

Мопран Момсон
МОРОЖЕНОЕ
со вкусом лета

От автора бестселлера «Когда ты ушла»

Вместе и навсегда

Морган Мэтсон

Мороженое со вкусом лета

«АСТ»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое) 44

Мэтсон М.

Мороженое со вкусом лета / М. Мэтсон — «АСТ»,
2016 — (Вместе и навсегда)

ISBN 978-5-17-105423-6

Со стороны жизнь Энди кажется идеальной. Да и как же иначе, если она дочь известного политика и всегда на виду. Девушку ждет престижная летняя стажировка. Ее окружают лучшие подружки. Она не обделена вниманием парней (и не важно, что все ее отношения длятся не дольше трех недель). Такой жизни можно только позавидовать! Все меняется, когда вокруг отца Энди разгорается публичный скандал. Теперь девушка вынуждена провести все лето в городе, подрабатывая в фирме по выгулу собак. Не о таком лете она мечтала! Но, похоже, мироздание приготовило девушке сюрприз. Это лето она запомнит навсегда!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-105423-6

© Мэтсон М., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Благодарности	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Морган Мэтсон

Мороженое со вкусом лета

© 2016 by Morgan Matson

© В. Канухина, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Джастину Чанде, другу и редактору

Благодарности

Джастин! Если бы я решила по-настоящему поблагодарить тебя за все, что ты сделал для этой книги, этот раздел был бы очень длинным. Так что я ограничусь двумя вещами. Хотя знаешь что? Пожалуй, тремя. Я же не за рулем. Спасибо за терпение и энтузиазм, за то, что ты поверил в эту историю с самого начала, и за твою непоколебимую уверенность, что в конце концов у нас получится книга, даже несмотря на месяцы задержки и на то, что она оказалась гораздо длиннее запланированной. Спасибо за твои совершенно невероятные комментарии. Как всегда, ты знал, о чем эта история на самом деле, раньше меня самой, и помогал мне ее найти, черновик за черновиком. И спасибо тебе за то, как замечательно с тобой работать: в гуще отсылок к «Властелину колец», звонков и электронных писем с эмодзи – это всегда прекрасно. Я бы не справилась с этим без тебя, и мне очень повезло, что ты у меня есть.

Также спасибо Эмили ван Бик, моему агенту и большой поклоннице. Кроме того, спасибо Молли Джаффе, Эми Розенбаум и всем в «Фолио».

Люси Рут Камминс, я даже не думала, что обложка может стать еще лучше. Но ты добавила ЩЕНКОВ! Ты гений. Спасибо, что воплотила в жизнь мои мечты. И огромное спасибо Мередит Дженкс за прекрасные фотографии!

В Simon & Schuster мне повезло работать с лучшими из лучших. Спасибо Крисси Но, Кэти Хершбергер, Джону Андерсону, Энн Зафьян, Мишель Лео, Катрине Грувер, Дороти Гриббин и Люсиль Реттино. И особый привет Алексе Пастор, прочитавшей каждый черновик!

Я работаю в одном офисе с тремя самыми прекраснейшими людьми во всем Лос-Анджелесе. Рейчел Кон, Лесли Марголис и Джордан Ротер, спасибо за все. Я обещаю, что перестану забывать наливать воду в кулер.

Спасибо Анне Кэрри, Дженнифер Э. Смит и Дженни Хан. Дженни, за ту ночь в Италии!

Мне очень повезло узнать Джесси Кирби и Шиван Вивьен как прекрасных друзей и великолепных писателей. Спасибо вам за вдохновение и поддержку.

Спасибо Джейн Финн и Кэти Мэтсон. И отдельное спасибо моему брату, Джейсону Мэтсону, самому смелому человеку, которого я знаю.

И, конечно же, спасибо Мерфи – без него эта книга была бы закончена намного, намного быстрее.

Древний посмотрел на Тамсин в свете костра.

– Слушай внимательно, когда люди рассказывают истории, – сказал он. – По своей сути каждая история, которую ты услышишь, сводится к одному из двух: некто отправляется в долгий путь либо чужак приезжает в город.

Тамсин обдумала это, слушая треск огня:

– Но разве не может быть одновременно и то, и другое?

Древний долго смотрел на нее в молчании, словно видя нечто такое, чего она не замечала.

– Да, – наконец ответил он мрачным голосом. – Крайне редко, но такое возможно.

*К. Б. Маккаллистер, «Убийство ворон»,
Hightower & Jax, Нью-Йорк*

Глава 1

Я пошевелила пальцами в слишком тесной обуви, заставила себя встать прямее и не обращать внимания на вспышки фотокамер, стрекочущих вокруг. На улице было довольно жарко, хотя время близилось к пяти вечера; а я, несмотря на жару, была одета в твидовую юбку до колен и белую блузку на пуговицах. Волосы я уложила феном и завила, в ушах красовались жемчужные сережки, я была слегка накрашена. Ясное дело, в обычную среду в начале июня я бы не стала разгуливать в таком виде; однако это была не обычная среда.

– Спасибо всем, что пришли, – сказал мой отец, стоя за трибуной, помещенной посреди нашего крыльца. Он на секунду замешкался, перекладывая бумаги, прежде чем начать свою речь, которую я знала наизусть. Питер Райт, глава его аппарата и главный политтехнолог, заставлял меня слушать ее много раз, пока я не научилась делать это, не меняясь в лице так, как будто все, что говорил мой отец, мне давным-давно известно и не способно меня удивить.

Однако в первую пару секунд, когда полились (теперь уже) хорошо знакомые слова, я удивленно таращилась на трибуну: откуда она тут вообще взялась? Питер что, всегда возит парочку в своем внедорожнике?

– ...сожалею, что жители штата Коннектикут могли потерять часть своего доверия ко мне, – произнес отец, и я вернулась в реальность, перевела взгляд на него, надеясь, что мое лицо не выражает ничего, кроме дочерней поддержки. Потому что иначе эта история, и так уже захлестнувшая круглосуточные новостные каналы и проникшая в Интернет, только продолжит развиваться.

Не то чтобы я не понимала причин. Видный член Конгресса, один из выдающихся деятелей партии внезапно оказывается в центре скандала, угрожающего не только всей его политической карьере, но и следующим национальным выборам! Заголовки множились как грибы после дождя.

Если бы подобное случилось с кем-то другим, я лишь пожимала бы плечами, глядя на круглосуточные репортажи: а чего еще они ожидали? Но это происходило здесь, на моем дворе, у меня на крыльце, с моим отцом. Конечно, я не могла быть беспристрастна.

Я взглянула на толпу репортеров и фотографов. Их камеры и фотоаппараты были нацелены на нас, постоянно слышалось щелканье затворов, напоминающих о том, что каждая секунда происходящего фиксируется. Эти акулы пера всегда чувят кровь. Что довольно очевидно по количеству народа на нашей лужайке и по фургонам прессы, выстроившимся вдоль квартала. Журналисты наводняли город с самого начала истории, однако до недавнего времени охрана Стенвич Вудс – микрорайона в городке Стенвич, штат Коннектикут, где мы живем, – не подпускала их к нашему дому. Поскольку обычно работа охранников состояла в том, чтобы приветствовать жителей и читать журналы, у меня было ощущение, что они не слишком-то рады необходимости выстраивать оборону от крупнейших телеканалов.

От громких заголовков и кричащих сообщений было негде укрыться. В основном все они упирало на тот факт, что пять лет назад мой отец был выдвинут в вице-президенты, хотя потом отозвал свою кандидатуру, и намекали на то, что и на грядущих выборах он мог бы стать сильным претендентом на вице-президентское кресло, если не выше. О разразившемся скандале писали с плохо скрываемым злорадством, и каждый новый заголовок был хуже предыдущего: «Зарвавшийся сенатор свалился с небес на землю», «Политическая звезда гаснет из-за коррупции в партии», «Роковая ошибка Уокера». Я с детства привыкла к вниманию прессы, но *так* себя никогда не чувствовала.

Мой отец, член палаты представителей Александр Уокер, заседал в Конгрессе с того времени, когда мне было три. До этого он был публичным защитником¹, но я уже не помню жизни без умавливания избирателей, выстраивания стратегии и анализа округов. У родителей моих друзей бывали случаи, когда они занимались какой-то работой, потом увольнялись и забывали о ней навсегда. Но только не у моего отца. Работа была его жизнью – а значит, и моей тоже.

Когда я была маленькой, все было не так плохо, но в последнюю пару лет ситуация изменилась. Я всегда была неотъемлемой частью имиджа Александра Уокера: дочерью одинокого заботливого отца, который усердно трудится на благо жителей Коннектикута, – но позже стала представлять собой еще и потенциальный риск. Мне пересказывали бесчисленные назидательные истории о детях политиков, которые уничтожили или поставили под угрозу карьеру своих родителей, – чтобы я понимала, чего именно мне *не следует* делать. В Сети или в присутствии прессы я должна была вести себя осторожно, не говорить ничего резкого (или такого, что могли бы счесть резким). Не должно было существовать моих снимков за каким-нибудь даже слегка сомнительным занятием или в неоднозначной одежде. У меня были аккаунты в социальных сетях, как у всех, только моими управляла целая команда стажеров, и я не имела права ничего в них писать без разрешения. В тринадцать лет я прошла недельный тренинг по медиакоммуникации и с тех пор далеко не отступала от официальной линии, сценария, роли, написанной специально для меня. Я старалась не создавать своему отцу и его команде никаких проблем.

Ну, не то чтобы я не делала совсем ничего неожиданного. Например, однажды я по привычке заказала латте во время тура на избирательной кампании, и сотрудники отца два часа обсуждали это на собрании. А потом еще час – уже вместе со мной, и у них даже была повестка встречи с заголовком «Александра», хотя в реальной жизни ни одна живая душа так меня не называла. Все звали меня Энди – так повелось с тех времен, когда я была маленькой и не могла произнести данное мне родителями имя из четырех слогов. В два года у меня получалось максимум «Андра», потом это превратилось в Энди – и спустя пятнадцать лет все так и оставалось. В общем, в итоге они решили, что в присутствии прессы я не должна больше покупать себе холодный латте без сахара с соевым молоком за пять долларов, чтобы не выглядеть богатенькой девочкой, сорящей деньгами, пока простые жители Коннектикута еле сводят концы с концами. Кроме того, они не хотели расстраивать лоббистов производителей молочной продукции.

Казалось невозможным, что спустя годы крайней осторожности, внимания к мельчайшим деталям, боязни сделать малейшую ошибку все же разразилась катастрофа. Но не из-за каких-то моих поступков – или поступков моего отца, согласно той версии событий, которую Питер последовательно скармливал прессе с самого начала. А потому, что (по непроверенным данным) кто-то из его администрации принимал щедрые пожертвования, предназначавшиеся для его благотворительного фонда, и перенаправлял их в фонд для финансирования следующей избирательной кампании. Во время ревизии обнаружилось, что благотворительный фонд на грани банкротства. И люди начали задавать вопросы, что и привело к сегодняшним событиям, свалившимся на меня как снег на голову.

Две недели назад все было в порядке. Отец, как обычно, работал в Вашингтоне, я заканчивала учебный год, тусовалась с друзьями и размышляла о том, как бы удачнее расстаться с Заком. (В школьной раздевалке, сразу после его выпускного, резко и необратимо, словно срываешь пластырь с болячки.) А теперь на ступеньках моего дома торчит трибуна.

Я на секунду позволила себе взглянуть на толстый кабель на лужайке, примявший траву. Месяц назад мы с отцом снимали здесь промоматериалы к его осенней кампании. Отец в пиджаке, но без галстука, я в юбке и кашемировом свитере. По траве были рассыпаны фальшивые осенние листья, чтобы выдать май за октябрь. Возможно, их купили или какому-нибудь

¹ Одна из форм оказания бесплатной юридической помощи в США.

стажеру пришлось их делать вручную – честно говоря, мне было не слишком интересно это знать.

Съемка шла весь день – сначала просто фотографии, потом видео: мы с отцом идем по лужайке и разговариваем. Как будто мы всегда наряжаемся в такую одежду, чтобы просто пройтись по лужайке вдвоем! Ближе к вечеру режиссер посмотрел на нас и вздохнул:

– У вас случайно нет собаки или чего-нибудь такого?

Отец, как обычно, уже висел на телефоне и даже не услышал вопроса. Тогда мне пришлось улыбнуться и ответить:

– Извините, собаки у нас нет.

Он кивнул, что-то сказал парню, державшему серебряный круглый светоотражатель, и мы просто перешли к следующему сюжету, продолжая создавать образ маленькой счастливой семьи.

Теперь, впрочем, я даже не знала, будут ли эти листовки со слоганом кампании – «Навстречу будущему» – вообще использовать. С моего нынешнего места на ступеньках этот ракурс казался так себе.

– Я снова повторю, что не имел ни малейшего представления о том, что средства используются не по назначению, – сказал мой отец, одним щелчком возвращая меня обратно в реальность. Его голос стал низким и серьезным; я почти физически ощущала, как замерли в ожидании представители прессы – словно знали, что сейчас прозвучит то, ради чего они сюда пришли. – Но факты есть факты: источник нарушения законов о финансировании избирательных кампаний находится в моей администрации. И поскольку я руковожу этими людьми и отвечаю за них, я должен взять ответственность на себя. Как вы знаете, я попросил провести независимое расследование – такое, которое поможет разобраться в истоках произошедшего. Я велел своим сотрудникам оказывать максимально полную помощь следствию. И пока расследование продолжается, я...

В этот момент отец тяжело вздохнул и потер большим пальцем обручальное кольцо – его обычный нервный жест. В первый год после женитьбы на моей матери он потерял четыре кольца, в итоге она купила ему невероятно дорогое – в надежде, что уж его-то он будет беречь. Это сработало, но с тех пор он часто машинально проверяет, на месте ли оно. В прессе иногда обращали внимание на то, что он все еще его носит, хотя прошло уже пять лет – но сегодня, я подозреваю, этот вопрос никто не выкрикнет ему в лицо с лужайки, так как есть более «жирные» темы для заголовков.

– ...я ухожу в вынужденный отпуск. Не думаю, что смогу эффективно работать на благо округа и штата в этих обстоятельствах. Свои отпускные я намерен передать в Фонд исследования рака яичников.

Про пожертвование – это что-то новенькое. В последнем черновике речи, который Питер мне показывал, этого не было. Я постаралась ничем не выдать удивления, однако мне было любопытно: действительно ли они добавили это в последний момент или просто не сочли нужным мне рассказать?

– В это время я собираюсь подумать о том, какие мои действия могли привести к подобной ситуации, и провести время с близкими, – он повернулся в мою сторону, и я улыбнулась. Эту улыбку Питер заставил меня отрабатывать сегодня утром. Она должна была выражать поддержку и сочувствие, ободрять, но при этом не быть слишком радостной. Понятия не имею, получилось или нет; все, о чем я думала, когда отец повернулся спиной к прессе, – это о том, как странно, что безумный спектакль мы разыгрываем на пороге собственного дома.

– Сейчас я не буду отвечать ни на какие вопросы. Всем спасибо за внимание.

Он повернулся спиной к трибуне, и в этот момент репортеры на лужайке принялись выкрикивать вопросы. Как мы и договаривались, я пошла ему навстречу, он обнял меня за

плечи, и кто-то распахнул перед нами дверь изнутри. Я оглянулась и увидела, как за трибуну встал Питер, готовясь грудью встретить тот удар, от которого мой отец уходил.

Как только мы вошли внутрь, отец опустил руку, и я шагнула в сторону. Один из стажеров, приехавших вместе с Питером на прошлой неделе, уже захлопнул за нами дверь. Стажер кивнул моему отцу и моментально испарился из прихожей. Почти все они – я никогда не интересовалась именами (ну разве что только самых симпатичных) – с начала скандала стали его избегать, старались не смотреть ему в глаза и явно чувствовали себя неловко. Раньше они все неумолимо следовали за каждым его движением, стараясь доказать собственную полезность, чтобы позже получить место получше. Но теперь отец словно стал радиоактивным – как будто простое пребывание с ним в одной комнате ухудшало их карьерные перспективы.

– Спасибо, – сказал он, когда откашлялся. – Знаю, для тебя это непросто.

Только из-за многих лет практики и того тренинга по медиакommunikации, впитавшегося в плоть и кровь, я не закатила глаза. Как будто моему отцу когда-то было дело до того, что мне легко, а что нет.

– Все нормально.

Он кивнул, и повисла тишина. Я внезапно осознала, что мы совершенно одни: ни Питера, ни вечно звонящего телефона. Я некоторое время пыталась вспомнить, когда мы с ним в последний раз оставались одни – сами по себе, а не для камер, нарочито пытаюсь выглядеть естественными. Я сообразила, что это, вероятно, было в декабре, когда мы ехали в машине на благотворительное мероприятие во время рождественских каникул. Он пытался спрашивать меня об учебе, пока нам обоим не стало мучительно очевидно, что он совершенно не в курсе, чем мы сейчас занимаемся в школе. Через пару минут мы сдались и оставшуюся часть пути просто слушали новости по радио.

Я подняла глаза и увидела отражение в большом зеркале в прихожей. Было немного странно видеть нас рядом. Мне всегда хотелось думать, что я похожа на маму, – так и было, когда я была маленькой. Но с каждым годом все больше увеличивалось сходство с отцом – доказательство тому я видела в зеркале прямо передо мной. У обоих веснушчатая кожа, густые каштановые волосы, черные брови, которые постоянно надо было выщипывать, чтобы они смотрелись аккуратно, голубые глаза и темные ресницы. Даже ростом я пошла в него – была высокой и длинноногой. А мама была изящно сложена, имела светлые вьющиеся волосы и зеленые глаза. Я отвела взгляд и сделала шаг назад. Теперь картина в зеркале мне нравилась гораздо больше: в нем отражался только отец, а до этого казалось, что нас с ним насильно поместили в одну раму.

– Ладно, – сказал он и полез в карман пиджака – несомненно, за своим любимым «блэк-берри». Через пару секунд остановился, задумался, и его рука бессильно упала – очевидно, он вспомнил, что телефона там нет. Питер его конфисковал, чтобы он случайно не зазвонил во время пресс-конференции. Мой он тоже забрал, и даже я призналась, что это хорошая идея, так как три мои лучшие подруги любили время от времени устраивать эпические обсуждения в чате. Даже в беззвучном режиме жужжание все равно бы отвлекало, что могло бы вызвать новую волну возмущения в прессе. «О, ты знаешь, эта пресс-конференция така-ая скучная! Дочь Уокера даже не в силах отвлечься от телефона, чтобы посмотреть, как карьера ее отца летит в тартарары!» Отец засунул руки в карманы и снова откашлялся:

– Энди... насчет этого лета. Я... э-э-э...

– Меня не будет, – напомнила я, и, даже просто произнося эти слова, почувствовала облегчение. – Программа начинается послезавтра.

Отец кивнул, нахмутив бровь, – это означало, что он понятия не имеет, о чем я, но не хочет этого признавать и пытается казаться вовлеченным и заинтересованным. Я много раз за эти годы видела, как он продельвает подобное с избирателями и оппонентами, и постаралась не удивляться тому, что он об этом забыл.

– Программа молодых исследователей в Университете Джона Хопкинса², – пояснила я, зная, что так проще всего выйти из этой неловкой ситуации.

– А! – сказал отец, складки на его лбу разгладились, и я поняла, что он действительно вспомнил, а не делает вид, что вспомнил, ожидая, пока Питер шепнет ему на ухо подсказку. – Ну конечно. Точно.

Программа в Университете Хопкинса была одной из лучших в стране. Она предназначалась для учеников старшей школы, которые собирались учиться на медиков. Моя подруга Тоби придумала для ее участников название «препрепмедика», и чем больше я сопротивлялась, тем больше ей нравилось так говорить. Мы будем жить в общежитии кампуса университета, углубленно изучать математику и естественные науки и сопровождать интернов и ординаторов в их ежедневных обходах.

Я хотела стать врачом с тех пор, как себя помню. У меня была история, которую я часто рассказывала журналистам, – про то, как отец подарил мне игрушечный стетоскоп на день рождения, когда мне было пять. На самом деле ничего такого не было, но я рассказывала об этом настолько часто, что сама в это поверила. Когда я подавала заявку на эту программу, то была уверена, что пройду по баллам: я хорошо училась по всем предметам, но математика и естественные науки с детства давались мне просто великолепно. Кроме того, на руку сыграл тот факт, что одним из больших сторонников моего отца был доктор Даниэль Риццоли, бывший проректор Университета Хопкинса. Так что, когда он вручил мне рекомендательное письмо, написанное от руки на плотной бумаге кремового цвета, я поняла, что место у меня в кармане.

Я ждала начала программы весь год, но в свете последних событий принялась прямо-таки отсчитывать минуты. А отец пусть остается здесь и сам со всем этим разбирается. Возможно, когда я вернусь в августе, все уже закончится. И в любом случае через два дня это уже будут не мои проблемы. Через сорок восемь часов я буду далеко отсюда, в Балтиморе, знакомиться со своей соседкой по комнате по имени Джина Флорес. Надеюсь, то, что она не использует восклицательные знаки в электронных письмах и СМС, – просто дело вкуса и ничего не говорит о ее характере. Я буду в миллионный раз читать программу занятий и покупать учебники в книжном магазине. Надеюсь, что встречу кого-нибудь привлекательного уже на вводном занятии, чтобы с головой окунуться в летний роман. Но самое главное – меня не будет *здесь*.

– У тебя уже все готово? – спросил отец. Мне стало интересно, чувствует ли он себя так же странно, как и я. Казалось, что он неловко повторяет плохо написанную речь, которую не до конца выучил. – Может, тебя подвезти?

– Не надо, – быстро ответила я. Не хватало еще приехать в кампус с фургоном CNN на хвосте. – Меня отвезет Палмер. Мы уже договорились.

Палмер Олден, одна из трех моих подруг, всегда рада возможности куда-нибудь съездить, и когда увидела, как я изучаю расписание автобусов и сервисы по аренде машин, сразу ринулась в бой и стала планировать маршрут, заполнив его вечеринками и остановками на перекус. Ее парень Том настоял на том, что поедет с нами: ходили слухи, что в следующем году в школе будут ставить мюзикл «Лак для волос», и ему хотелось провести полевое исследование.

– А, ну хорошо, – сказал мой отец. Должно быть, Питер в этот момент закончил отвечать на очередной вопрос, потому что шум и крики снаружи внезапно стали громче. Я вздрогнула и на шаг отошла от двери.

– Ладно, – сказала я, слегка повернув голову в сторону кухни. Мой телефон, скорее всего, там. Не сказать, что он мне был срочно нужен, просто мне хотелось, чтобы все происходящее поскорее закончилось. День сегодня и так был достаточно странный, потому не стоило усугублять его самыми неловкими на свете попытками поддержать беседу. – Я, пожалуй...

² Престижный частный исследовательский университет в США.

– Ага, – сказал отец. Его рука по привычке снова потянулась к пиджаку и остановилась на полпути.

– А мне надо... – он не договорил и оглянулся вокруг с потерянным видом. Мне вдруг стало его жаль. В конце концов, раньше ему всегда было чем заняться. В плотном расписании отца случались дни, расписанные буквально по минутам – бесконечные вереницы встреч с менеджерами, сотрудниками, стажерами, помощниками. Он руководил своей командой, был облечен властью, пользовался уважением, рулил всеми процессами. А теперь он стоял в собственной прихожей, лишенный даже своего телефона, а снаружи пресса втаптывала в грязь привычный уклад его жизни.

Но, несмотря на сочувствие, я понимала, что ни словом, ни делом не могу ему помочь. Мы с отцом решали каждую свою проблему и не делились ими друг с другом – так уж повелось. Я улыбнулась ему и отправилась в кухню.

– Энди, – окликнул меня отец, когда я уже почти добралась до двери, – я... – он посмотрел на меня, а затем опустил взгляд на деревянные полы без единой царапины: они выглядели точно так же, как в тот день, когда я впервые увидела этот дом, словно здесь вообще никто не живет. – Спасибо, что вышла туда со мной. Я знаю, это непросто. Обещаю, что никогда больше не буду тебя о таком просить.

Перед моими глазами пронеслось воспоминание – просто набор картинок и чувств. Другая пресс-конференция, пять лет назад. Мама держит руки у меня на плечах, успокаивая меня, я пытаюсь не моргать от вспышек фотоаппаратов перед глазами. Она наклонилась ко мне прямо перед началом, чтобы прошептать кое-что, пока мы стояли за дверью офиса отца в Конгрессе, синтетические волосы ее парика щекотали мне щеку – такие непохожие на те мягкие локоны, которые я любила наматывать на палец, когда она мне позволяла. «Помнишь, – сказала она тихо, обращаясь только ко мне, – что ты должна сделать, если все станет слишком плохо?» «Ну мам, – сказала я, изо всех сил стараясь не улыбаться, хотя это было очень сложно. – Я не буду». «Придется, – ответила она, поправляя мое платье, затем ленточку. Она подергала за край своих волос, многозначительно изогнув бровь: – Если все пойдет не так и нужно будет отвлечь внимание, просто стащи его. Они немедленно забудут, о чем только что спрашивали твоего папу». «Ну хватит», – сказала я, все-таки заулыбавшись. Она наклонилась ко мне ближе, и моя улыбка сразу же пропала, когда я увидела, как она исхудала, какая желтая у нее кожа под макияжем, который она так старательно наносила, как выпирают вены на ее лице.

Та пресс-конференция затянулась дольше, чем они ожидали, и мама оставила меня одну, чтобы встать вместе с отцом, когда он начал говорить о ней. Все это было из-за нее – он отозвал свою кандидатуру из списка претендентов на пост вице-президента, хотя все понимали, что он бы получил это место. Я изо всех сил старалась не заплакать, потому что знала, стоит мне заплакать, как это будет на первых страницах всех газет. А когда все закончилось, папа обнял меня и пообещал, что мне никогда больше не придется проходить через что-то подобное.

– Правда? – огрызнулась я более резко, чем собиралась. Он растерянно моргнул, и я несколько секунд смотрела ему в глаза, задумавшись, помнит ли он вообще, когда в последний раз это говорил, или все эти разы слились у него в одно большое обещание, которое он не может сдержать. – Потому что я это уже слышала.

Мне было неинтересно, понял ли он, что я имею в виду. Не факт, что я смогла бы снести очередной вид фальшиво нахмуренных бровей или что-то подобное. Так что я просто кивнула и в два раза быстрее обычного пошла в сторону кухни, намереваясь наконец с этим закончить. Впервые в жизни я задумалась, что никто никогда не оценивал по достоинству действия крыс, убегающих с тонущего корабля. Они поступали мудро, спасаясь, пока еще было можно. В конце концов, они ведь видели, к чему все идет, и заботились о собственных жизнях. Как и я.

ПАЛМЕР

Энди, как дела?

БРИ

Ты отлично выглядела на CNN.

ТОБИ

Просто суперски. Ты плойкой так уложила волосы? Сто лет назад обещала меня научить.

БРИ

Тоби.

ТОБИ

Что? Я просто хочу сказать, что она классно выглядела. И что я бы тоже так хотела.

ПАЛМЕР

Как ты? Держишься?

Чувствуя себя в безопасности в собственной комнате, я посмотрела на экран и непроизвольно улыбнулась – пожалуй, впервые за этот день искренне. Стоило признать, что Питер был прав, конфисковав телефоны: похоже, этот чат начался примерно тогда, когда выступление отца только заканчивалось.

С телефоном в руке я пошла к своей кровати. Мы жили в этом доме уже пять лет, но моя комната мало изменилась с того дня, как мы сюда въехали. Она была обставлена профессиональным дизайнером, который, однако, явно не догадывался, что здесь будет жить девочка-подросток. Все было в светло-коричневых и бежевых тонах, словно прямиком из каталога. Даже спустя пять лет мне иногда казалось, что я в гостинице. Тут, конечно, были мои вещи – косметика и украшения на туалетном столике, фотографии друзей в рамках и одежда, сложенная на стуле в углу. Но помимо этого ничто не говорило о том, что это моя комната. Я плюхнулась на кровать, сбросила обувь и устроилась поудобнее на подушках – эти разговоры могли продолжаться часами.

Взглянув на последнее сообщение, от Палмер, я поколебалась. Наклонилась ближе к окну над кроватью – оно было приоткрыто, и снаружи доносились голоса. Я выглянула и увидела, что пресс-конференция уже закончилась. По лужайке бродили люди, и ни Питера, ни трибуны не было видно.

Я отвернулась от происходящего на лужайке, надеясь, что, когда выгляну в следующий раз, все уже исчезнет и только примятая трава останется напоминанием о том, что там происходило всего несколько часов назад.

Я

Нормально.

ПАЛМЕР

Правда?

БРИ

ПРАВДА?

ТОБИ? Я

Совершенно нормально. Пресс-конференция была ужасная, но это проблемы моего отца.

БРИ

Хм.

Я

Что?

ТОБИ

Она хочет сказать, что не верит тебе.

ПАЛМЕР

Откуда ты знаешь?

БРИ

Тоби права. Но мы можем потом это обсудить.

Я

Нечего тут обсуждать.

БРИ

Очень даже есть что.

ТОБИ

И когда мы будем это обсуждать, может, заодно покажешь свой способ укладки?

ПАЛМЕР

Тоби, мы вообще-то собирались проявить поддержку.

ТОБИ

Ну так я и проявляю! Я даже хотела приехать, чтобы поддержать Энди, но охранник меня не пропустил.

Я

Серьезно?

ТОБИ

Ага! Говорил про какие-то списки, государственную безопасность и все такое.

Я

Извини. Когда пресса уедет, все станет как обычно.

ТОБИ

Ну, я вообще-то, обиделась. В конце концов, он меня знает. Мы с Ронни не первый день знакомы!

ПАЛМЕР

Его зовут Эрл.

ТОБИ

Ой.

ПАЛМЕР

Неважно! В общем, мы сегодня идем развлекаться.

Я

Да?

БРИ

Да. Мы проголосовали. Это просто необходимо.

ТОБИ

Да. Именно это я и пыталась объяснить Ронни.

ПАЛМЕР

Он Эрл.

БРИ

Будет вечеринка, думаю, нам всем надо туда пойти. После сегодняшнего тебе это будет полезным.

Я снова повернулась и выглянула в окно. Представители прессы не торопились исчезать с горизонта. Перед домом выстроился ряд репортеров, на которых были направлены камеры: они явно резюмировали все, что здесь произошло. Судя по всему, в ближайшее время выйти и остаться незамеченной мне не удастся.

Я

Не уверена, что получится, девчонки.

ТОБИ

#

ПАЛМЕР

Получится!

БРИ

Не беспокойся.

ПАЛМЕР

Мы все продумали.

Я

Но тут журналисты повсюду. Нельзя, чтобы меня увидели. Не уверена, что можно с этим справиться...

ТОБИ

Энди, расслабься. У нас есть план.

Я нахмурилась, глядя на это предложение, и почувствовала тревогу. То, что они не хотят говорить, в чем именно состоит план, меня беспокоило. Особенно если его разрабатывала Тоби. Я подобралась к окну, стараясь, чтобы меня не увидели, и открыла его пошире. Должно быть, прямо под моим окном какая-то журналистка вела репортаж: я очень четко услышала ее усиленный микрофоном голос:

– В последний раз конгрессмен был в центре общественного внимания пять лет назад, когда неожиданно отозвал свою кандидатуру на пост вице-президента в ходе оказавшейся неуспешной президентской кампании губернатора Мэттью Лафлина, хотя рассматривался как основной претендент на это место. Это произошло из-за ухудшавшегося здоровья его жены, Молли Уокер, которая полтора месяца спустя умерла от рака яичников. Пока неясно, как последние события отразятся на политической карьере конгрессмена...

Я захлопнула окно, отрезая голос журналистки на лужайке, и снова взяла свой телефон:

Я

Вечеринка – это отличная идея.

Глава 2

– Так, – сказала Палмер, снизив скорость, – почти приехали. Энди, как ты там?

– Ну, – сказала я, лежа на полу ее микроавтобуса, между сиденьями, накрытая одеялом, пыльным и в кошачьей шерсти, – бывало и лучше.

– Еще немножко, – сказала Бри сверху, погладив меня по плечу чем-то подозрительно напоминавшим ступню.

– Береженого бог бережет, – сказала Тоби с жизнерадостной уверенностью человека, не вынужденного стараться не дышать через нос.

– Тоби, сейчас направо? – спросила Палмер, и машина плавно остановилась.

– В Ардмор? – подала я голос из-под одеяла и дважды чихнула. – Сначала налево, потом направо.

– Откуда ты знаешь? – краешек одеяла приподнялся, и там показалась Бри, вернее, только ее широко раскрытые карие глаза и зачесанная в сторону челка. – Ты же ничего не видишь.

– Она придумывает, – уверенно произнесла Тоби, когда одеяло вновь опустилось.

– Можешь проверить по карте! – закричала я и закашлялась от пыли.

– Сейчас... – сказала Тоби и погрузилась в молчание, видимо, проверяя маршрут на смартфоне. – Да ладно тебе! – воскликнула она, но без энтузиазма, скорее, с досадой.

– Я же сказала, – ответила я. Я вовсе не пыталась специально следить, куда мы направились после выезда из дома, но некоторые вещи просто невозможно не заметить. Кроме того, я всегда предпочитала знать, где нахожусь и как добраться туда, куда мне нужно. Поэтому, если мы куда-нибудь ездили на разных машинах, я всегда держалась впереди.

– Давай-ка намотаем кругов, чтобы ее запутать! – сказала Тоби, и Бри рассмеялась.

– Не думаю, что вечеринка стоит всех этих мучений, – сказала я.

Мы повернули налево, а потом направо. Машина еще больше замедлилась, было такое ощущение, что она съехала с дороги на обочину. Удивительно, насколько все это становится заметнее, если лежишь на полу.

Выяснилось, что разработкой плана занималась Палмер, и я не могла не восхититься ее предусмотрительностью. Она жила через три дома от меня в Стенвич Вудс и после пресс-конференции пошла прогуляться, чтобы разведать обстановку. Предполагалось, что пресса уберется восвояси сразу после конференции, но несколько новостных фургонов так и остались припаркованы у въезда в поселок, явно в надежде на еще одну сенсацию.

Так что она забрала меня прямо из дома и, спрятав под одеялом, провезла мимо дежурящей прессы. Хотя я была уверена, что у нас на хвосте никого нет, в том же положении мы поехали за Тоби и Бри. К счастью, это была одна точка, как обычно. Мы дружили вчетвером, но Бри и Тоби были, что называется, не разлей вода и практически все время проводили вместе.

Предосторожности были не лишними: если бы увидели, что я отправляюсь развлекаться через несколько часов после того, как стояла рядом со своим отцом, всем видом являя образец благонравной, преданной дочери, последствия могли быть плачевными.

– Очень даже стоит, – сказала Бри, и через секунду с меня сорвали одеяло, и я моргнула, пытаясь не чихнуть от пыли, разлетевшейся по всему салону.

– Воздух! – радостно сказала я и глубоко вздохнула, а потом села, оглядываясь и пытаясь понять, где мы и есть ли вокруг другие машины. – Мы далеко от дома?

– Да, – кротко ответила Палмер, поворачиваясь ко мне с водительского сиденья. В Стенвиче был низкий уровень преступности, но много полиции, так что в основном она тратила свое время на разгон молодежных вечеринки по выходным. И первым знаком такой вечеринки была куча машин, беспорядочно припаркованных у подъезда к дому. Так что считалось хоро-

шим тоном парковаться подальше, чтобы не вызвать никаких подозрений, и идти пешком. А я всегда парковалась дальше остальных, чтобы поменьше рисковать.

– Энди, все нормально. Сегодня ты можешь ни о чем не волноваться и просто веселиться. Потому что тебе это нужно, – сказала Палмер.

– Это уж точно, – поддержала ее Бри, сидевшая рядом со мной. – Мы даже устроили голосование.

– Да, – согласилась Тоби с переднего сиденья, опустив солнцезащитный козырек, открывая зеркальце и вытаскивая косметичку. Мы уже давно поняли, что единственный способ выманить ее из дома до наступления полуночи – это не заставлять определяться с нарядом дома, а позволить взять с собой несколько, чтобы мы могли решить в машине, а еще разрешить ей краситься и причесываться прямо по пути. Но поскольку Палмер запрещала ей красить глаза во время движения, я подозревала, что нам придется еще несколько минут подождать.

– Какое еще голосование? – поинтересовалась я, смахивая какие-то нитки с плеча и борясь с желанием снова чихнуть.

– Что нужно сегодня развлечься, – сказала Бри. – И мы...

– Не собирались бросать тебя в одиночестве, – продолжила Тоби, начиная красить глаза тушью, – что бы ни случилось.

– Именно, – кивнула Бри, и Тоби протянула назад руку для удара кулаком о кулак, не отрывая взгляда от зеркала.

Я покачала головой, не сдержав улыбки. Это было «Шоу Бри и Тоби», как мы с Палмер его окрестили. Они дружили еще с детского сада и были так близки, что окружающие часто их путали, притом, что внешне они были совершенно разные.

Сабрина Чаудхури и Тобианна Млынарчик подошли ко мне на перемене в первый день моей учебы в третьем классе начальной школы Стенвича, когда я сидела в одиночестве, пытаюсь понять правила странной игры с большим резиновым мячом, в которую играли все остальные. В частной школе в Канфилде не играли ни во что подобное. Но меня перевели оттуда, когда опрос показал, что простым людям – и профсоюзу учителей – не нравится, что дочь конгрессмена учится в частной школе. Я чувствовала себя так, словно меня отправили в другую страну. И вдруг эти две девочки уселись по обе стороны от меня на скамейке. Они уже тогда были «Бри и Тоби» и, перекрикивая друг друга, хотели, чтобы я разрешила их спор: кто из участников популярной на тот момент молодежной группы самый симпатичный. Судя по всему, я случайно сделала правильный выбор, назвав Уэйда, – он не был любимчиком ни одной из них. И с того дня Бри и Тоби стали моими подругами. С Палмер же мы подружились, когда я в двенадцать лет переехала и стала жить с ней по соседству. А в девятом классе она уговорила родителей перевести ее из «Стенвич Кантри Дей» в муниципальную школу. Познакомившись, Палмер, Тоби и Бри сразу поладили, и с тех пор мы стали идеальной командой.

– Спасибо, – сказала я, хватаясь за протянутую руку Бри, поднимаясь с пола и усаживаясь на сиденье рядом с ней. Стряхнув грязь с джинсов, я порадовалась, что не надела ничего белого. – Но, вообще-то, я в порядке.

– Мы тебе не верим, – сказала Тоби, глядя на меня в зеркало и начиная красить губы.

– Можно мне? – спросила я, она кивнула и протянула мне помаду. – Слушайте, – сказала я, наклоняясь над Тоби, чтобы заглянуть в зеркало, – это все не имеет ко мне никакого отношения. Это проблемы отца, и он сам с ними разберется.

– А что если нет? – мягко заметила Палмер.

– Ну, тогда возьмется за какую-нибудь работу в частном секторе, ему ее постоянно предлагают, – сказала я, сосредоточившись на том, чтобы ровно накрасить губы. – Или будет читать лекции какое-то время, или снова вернется к юридической практике, а потом опять будет баллотироваться.

Невозможно представить, чтобы мой отец не занимался политикой. Это было у него в крови.

– Но для меня ничего не поменяется. Я все равно поеду на программу, а когда вернусь, все как-нибудь устроится, – я закрыла помаду и вернула ее Тоби. – Ну что, пошли?

– Ладно, тип А³, – сказала Тоби, застегивая косметичку. Я еще успела закатить глаза в зеркале, прежде чем она его закрыла и подняла обратно щиток. – Что? – ухмыльнулась она. – Мы же не виноваты, что твое имя начинается на эту букву.

– Ну-ну, – сказала я, выразительно поднимая бровь, но не споря с ней. Ну и что с того, что мне нравится все контролировать? В конце концов, кто-то же должен это делать.

Мы выбрались из микроавтобуса, и я огляделась, пытаюсь сориентироваться.

– У кого вечеринка, я забыла? – спросила Тоби. Она оправила юбку, в которую переоделась по дороге, – я слышала дебаты о том, что надеть, но она проигнорировала мое мнение, высказанное из-под одеяла, хотя я прекрасно знала, о какой именно одежде она говорит, даже ее не видя.

– У Кевина Кастилло, – сказала я.

Это было первое, о чем я спросила, когда Палмер посвящала меня в план. Я уже бывала у него на вечеринках раньше, и они всегда помогали мне взбодриться. А в каком-либо новом месте всегда сначала приходилось осматриваться в поисках запасных выходов и вообще путей отхода – на случай, если они понадобятся.

– Что означает, что она будет хорошая, – прокомментировала Палмер, многозначительно приподняв бровь. – Помнишь ту вечеринку в марте?

– Смутно, – ответила я, улыбаясь при воспоминании о том, как мы несколько часов играли в пивопонг, а потом в четыре утра оказались в ближайшей закуской, поедая картошку фри и громко хохоча.

– А где дом? – спросила Бри.

Я показала вперед:

– Там.

Палмер кивнула:

– Примерно полмили.

Бри вздохнула и принялась снимать туфли на платформе, но не сказала ни слова упрека. Мы все понимали риск. А сегодня было жизненно важно, чтобы нас не поймали.

Я только раз была на вечеринке, где такое произошло, когда училась в девятом классе. Это была моя вторая вечеринка в жизни, и я все еще испытывала восторг и восхищение. Мы вообще оказались там только потому, что брат Палмер, который учился в выпускном классе, был приглашен. И он согласился взять нас с собой лишь при условии, что будет полностью отрицать всякое знакомство с нами, если кто-нибудь примется возмущаться присутствием «малолеток».

Я пила пиво из красного пластикового стаканчика, когда вдруг вся гостиная залилась красно-синим светом. В первую секунду все словно замерли на месте, затем же все пришло в движение. Гости побежали в разные стороны: к машинам, в тайные укрытия – в общем, куда угодно, лишь бы не быть пойманными. Восторг от пребывания на вечеринке старшеклассников немедленно сменился волной ужаса, такой сильной, что я затряслась. Если меня, несовершеннолетнюю, поймут за распитием алкоголя, для карьеры моего отца это будет очень, *очень* плохо.

Меня не поймали – я спаслась в самый последний момент. Но этого было более чем достаточно, чтобы испугаться не на шутку. Теперь друзья знали, что я ни за что не пойду на

³ Тип темперамента, характеризующийся стремлением работать до изнеможения и сильным духом соперничества во всех делах.

вечеринку, которая может представлять интерес для полиции. Кроме того, у меня появились свои способы не привлекать внимание даже на месте. Но сейчас, когда мы шли гуськом по обочине, я сильно волновалась и оглядывалась вокруг: не слишком ли много машин припарковано вдоль дороги, не проявляет ли кто-нибудь к нам внимания – в общем, нет ли чего-то, что могло бы нас выдать. Мне даже не хотелось думать о том, что случится, если именно сегодня меня увидят на вечеринке. Это все равно, что подлить бензина в ярко пылающий костер.

Некоторое время мы шли молча, но потом Тоби, откашлявшись, сказала замогильным голосом:

– Девчонки, сегодня должно произойти что-то необычное. Заклятье будет снято. Потому что я решительно отказываюсь оставаться без парня еще на одно лето.

– Я могу быть твоим «вторым пилотом», – немедленно вызвалась Палмер. – И мы что-нибудь тебе организуем.

– Нет уж, – твердо сказала Тоби. – В прошлый раз, когда ты была моим «вторым пилотом», все хотели пойти на свидание с *тобой*, и Том из-за этого сильно на меня разозлился.

Палмер открыла рот, чтобы возмутиться, но я вмешалась:

– Палмер, Тоби права.

– Ну, ты не виновата, что блондинка, – добавила Бри, и я рассмеялась, глядя, как недовольное выражение лица Палмер меняется на сконфуженное. Палмер красавица, хотя, похоже, совершенно этого не осознает. У нее длинные густые светлые волосы, которые к концу лета станут на четыре оттенка светлее, выгорев на солнце. Еще она тонкая, как лоза, и при этом может съесть больше, чем мы все, вместе взятые, и вдобавок очень веселая. Неудивительно, что каждому хотелось продолжить с ней общение в первую же секунду после знакомства.

– Давай я, – предложила я. – Есть пожелания к кандидату? Тебе все еще нравятся длинноволосые?

– Мне вообще все равно, – мечтательно ответила она. – Я войду в комнату, гости расступятся, и появится *он*...

Мы с Палмер и Бри обменялись взглядами, но промолчали. У каждой из нас были такие темы, над которыми нельзя шутить, у Тоби это была любовь.

Ей воспитывала няня, которая всегда приносила с собой DVD с романтическими фильмами, когда ей нужно было присмотреть за Тоби. Так что подруга выросла на мелодрамах. Джулия Робертс заключает сделку с Ричардом Гиром и в процессе отдает свое сердце. Мег Райан морщит нос, а потом разражается слезами. Бриджит Джонс бежит по заснеженным улицам Лондона в поисках Марка Дарси.

Когда ее не было с нами, мы постоянно обсуждали, как фильмы навсегда извратили ее понимание любви. Теперь она и в реальной жизни ожидала того, что видела на экране, – для нее любовь была именно такой. Она верила, что парни будут водружать стереомагнитофоны на лужайке перед ее домом и торжественно сообщать ей о своих чувствах. И хоть сама Тоби это и отрицала, она все время стремилась превратить Бри в своего верного оруженосца.

Я много раз пыталась ей объяснить, что романтика в реальной жизни не такая, как в кино, и что не стоит на это рассчитывать. На самом деле все, что нужно, – это человек, с которым интересно проводить время, приятно целоваться, и с кем никогда не бывает скучно. Никто из нас не верил в киношную романтику. Палмер и Том были уже практически женаты, а Бри предпочитала встречаться со старшеклассниками и не дольше трех-четырех месяцев. Но в мечтах прекрасный принц приезжал за ней в аэропорт в последнюю минуту, чтобы во всеуслышание признаться в любви. Поэтому у нее никогда и не было реального парня.

Она обращалась с каждым из них так, словно он был героем кинофильма, и это, естественно, пугало их до смерти.

– Может, просто... не стоит рассчитывать сразу на многое, – сказала я, осторожно подбирая слова. – Попробуй просто повеселиться.

– Тебе легко говорить, Энди, – саркастично сказала Тоби, – у тебя-то всегда есть парень.
– Прямо сейчас нет, – заметила Палмер.
– Ну почти всегда, – Бри поддержала Тоби, как обычно. – Шестьдесят процентов времени!

– Скорее семьдесят пять, – принялась подсчитывать Тоби.
– Бедный Зак, – сказала Палмер, картинно вздохнув. – Он мне нравился.
– Мне кажется, нам надо перестать запоминать их имена, – сказала Бри с невозмутимым видом.

Тоби ухмыльнулась:

– Точно. Так будет гораздо проще. Следующему я придумаю прозвище.
– Очень смешно! – я постаралась строго на нее посмотреть, но через минуту сдалась и расхохоталась.

Вообще-то, они не так уж и неправы. Они всегда меня дразнят после расставаний и называют «сердцеедкой». Но я не специально, просто так случается само собой. Сначала я на кого-нибудь западаю. И на самом деле эта стадия может длиться гораздо дольше, чем сами отношения. Я не могу ни о чем другом думать, постоянно говорю об избраннике, очень долго и тщательно продумываю образ в надежде на случайную встречу. Потом завязываются отношения. Первая неделя или около того проходит просто великолепно. Мы много целуемся, я постоянно чувствую волнение, сердце стучит, голова кружится, мы все время болтаем – вживую или по телефону поздно вечером. Но примерно к концу третьей недели он неизбежно начинает хотеть чего-то большего, а я – раздражаться, испытывая дискомфорт.

Я никогда не могла понять, зачем парни начинают рассуждать о моих *чувствах*. Для этого у меня есть друзья. Почему нужно все усложнять? Пусть все будет просто, весело, не слишком серьезно – и не заходит дальше поцелуев.

В любом случае среднее время продолжительности любых моих отношений – около трех недель. Когда подруги мне на это указывали, я всегда приводила в пример Тревиса Фридмана, отношения с которым длились аж месяц с небольшим, но они всегда говорили, что это не считается, поскольку две недели пришлись на зимние каникулы.

Меня же все устраивало. Мы расставались (с моей или его подачи), пару недель я переживала, слушая женские поп-группы и заедая грусть мороженым, а затем, почти сразу, влюблялась в кого-нибудь еще, и все начиналось сначала. Мне это даже нравилось. Я искренне не понимала, зачем вообще заводить серьезные отношения в школе. Это же *школа*! Тут надо развлекаться, а встречаться с кем-то по-настоящему лучше начинать в университете, где есть шанс на что-то серьезное.

– Подожди-ка, а почему ты вообще этим интересуешься? – спросила Палмер, глядя на Тоби. – А как же Уайетт?

Тоби помотала головой:

– Он еще не вернулся.
– Может быть, и вернулся, – сказала Бри. – Вчера он запостил фотку, похоже, из центра города.

– Что-что? – Тоби резко остановилась, так что все чуть не упали, достала телефон из сумочки и принялась лихорадочно просматривать ленту. – Это же главная новость! Почему вы мне не сказали?

– Я не знала, – ответила я, подняв руки и всем видом изображая, что я ни при чем.

Уайетт Миллер учился в закрытой школе в Массачусетсе, но его родители жили здесь, и он приезжал на летние каникулы. Мы познакомились с ним в прошлом году, когда он работал в ларьке с фаст-фудом на пляже и давал нам бесплатную картошку фри и газировку. Мы начали тусоваться вместе – Уайетт и мой тогдашний, «летний», парень, Ник, неплохо сошлись. И прошло совсем немного времени, как Тоби в него по уши влюбилась. Он тогда встречался с девуш-

кой из своей школы, так что тем летом между ними ничего не было. Но когда Тоби узнала, что они расстались – в середине февраля, накануне Дня святого Валентина, – она решила, что ее время пришло, пригласила его на выпускной бал и была невероятно рада, когда он согласился, хотя парень не устал напоминать, что делает это исключительно по дружбе. Но на вечеринке после бала – как раз когда я рассталась со своим парнем – Тоби и Уайетт неуклюже целовались. Подруга решила, что это подтверждение его чувств, хотя мы все мягко – а потом уже и не столь мягко – намекали ей, что причиной всему алкоголь и романтические рок-баллады. Тоби пыталась поддерживать отношения, когда он вернулся в школу, но Уайетт вел себя просто как друг.

– О боже, кажется, ты права! – сказала Тоби, шурясь в темноте на яркий экран. С каждым словом ее голос становился громче. – Но почему он мне не написал?! О господи!

– Тихо, – сказала я, оглядываясь вокруг: я не хотела, чтобы мы привлекли к себе лишнее внимание.

Тоби кивнула и снова посмотрела на экран.

– О господи! – снова произнесла она, но на этот раз уже шепотом.

– Пришли, – сказала Палмер, останавливаясь перед большим домом белого цвета, который ничем не выделялся среди остальных домов на улице. Невозможно было заподозрить, что здесь идет вечеринка, – только если очень-очень внимательно прислушиваться к музыке, слабо оттуда доносившейся. – Все готовы? Энди?

Я кивнула, пошарила в сумочке и подала ей бутылку диетической колы, заполненную на три четверти.

– Какие-нибудь предпочтения?

– Что угодно, кроме бренди, – сказала я, скорчив недовольное лицо. – Не слишком хорошо сочетается.

Палмер кивнула и пошла впереди нас к дому. Я была шапочно знакома с Кевином, поэтому обрадовалась, что она взяла это на себя.

Бри и Тоби над чем-то смеялись позади меня, в то время как я пошла за Палмер внутрь. Вечеринка ничем не отличалась от любой другой. Гости стояли вокруг группками и болтали, некоторые валялись на диване, а обеденный стол, судя по всему, был занят приготовлениями к игре в бейрут. На кухонной столешнице стояли бутылки, ингредиенты для коктейлей, наполовину заполненный блендер. Сквозь открытую дверь во внутренний дворик я заметила кег с пивом. В самом укромном уголке заднего дворика, как обычно, курили, а еще я заметила в гостиную парочку, болтавшую, наклонившись друг к другу, и явно настроенную на секс.

Палмер сразу же направилась к бутылкам с алкоголем, Бри и Тоби двинулись к кегу с пивом, а я изучала комнату. Я ему не писала, что пойду, но чувствовала – он тоже может здесь оказаться. Насколько я слышала, он расстался со своей последней девушкой примерно тогда же, когда я бросила Зака. Это означало, что мы оба были свободны. Я почти отчаялась и уже собиралась пойти поискать во внутреннем дворике, как вдруг девушка, с которой мы вместе ходили на углубленный курс по химии, отступила в сторону, и я увидела его – Тофера Фицпатрика. Он со скучающим видом оперся на столешницу.

Сердце заколотилось, как всегда, когда мы встречались. Я наблюдала за ним еще некоторое время в полной уверенности, что он меня еще не заметил. Какая-то незнакомая мини-атюрная девушка разговаривала с ним. Она смеялась, улыбаясь ему снизу вверх. Он тоже ей улыбался – девушка наверняка считала эту улыбку признаком интереса и приглашением продолжить разговор, но я-то все понимала. На тот момент я, пожалуй, знала его лучше, чем все присутствующие.

Он на мгновение отвел глаза от своей собеседницы, оглядывая комнату, и наши взгляды встретились Всего на секунду, но я сразу поняла, что в моей жизни наступила светлая полоса.

– Держи, – рядом появилась Палмер с моей бутылкой диетической колы с плотно завернутой крышкой. – Там ром. Я взболтала.

– Спасибо, – сказала я, с улыбкой забирая бутылку.

Только так я позволяла себе пить алкоголь на вечеринках. Если в Сеть попадут какие-нибудь фотографии, то единственным напитком, который увидят у меня в руках, будет диетическая кола. Я слишком хорошо знала, что достаточно случайной фотографии с телефона у кого-нибудь на странице, где я на заднем фоне держу стакан с пивом или просто с какой-нибудь неопознанной жидкостью, – и это сразу же попадет в СМИ. Я отвернула крышку и сделала большой глоток. Тепло от рома разбежалось по моему телу.

– О, посмотрите-ка, кто здесь, – невыразительным голосом сказала Палмер, случайно поглядев в сторону кухни. Она вздохнула и посмотрела на меня: – Энди!

– Я знаю.

Тофер все еще разговаривал с той миниатюрной девицей, прихлебывая из бутылки спрайт, – я готова была поставить деньги на то, что в ней не только спрайт. В конце концов, это ведь он меня научил.

– Что ты знаешь? – поинтересовалась Тоби, отхлебывая пиво, которое по большей части состояло из пены. Она никогда не умела управляться с кегами.

Подруга проследила за взглядом Палмер и тоже посмотрела на меня:

– А-а-а, Крыс-Тофер?

– Прекрати, – сказала я.

– Ты же понимаешь, что мы это не одобряем, – сказала Палмер максимально серьезным голосом.

Я кивнула:

– Приму к сведению.

Я давно уже оставила попытки оправдать Тофера в их глазах. Он мог быть вполне любезен и очарователен, когда хотел; просто как-то так вышло, что в присутствии моих подруг он всегда вел себя, как козел.

– Говори за себя, – сказала Тоби, снова делая большой глоток. – Лично я думаю, что это романтично. Они как Гарри и Салли⁴ – кругами ходят друг возле друга и никак не могут признаться в своих чувствах.

Палмер покачала головой:

– Не думаю, что это тот случай.

– Ты так в этом уверена? – с жаром возразила Тоби.

– Я уверена в том, что у тебя пена на носу.

– Черт побери, – пробормотала Тоби, вытираясь.

– Что тут у вас? – спросила Бри, присоединяясь к нам со своим стаканом.

Посмотрев туда, куда кивнула Тоби, она повернулась ко мне, качая головой:

– Ох, Энди.

– Они мне уже все сказали, – произнесла я, взбалтывая содержимое своей бутылки, прежде чем отхлебнуть.

– Эй! – позвала Тоби, беря меня под руку. – Второй пилот, ты меня подводишь.

– Ладно, – сказала я, оглядывая комнату в поисках кого-нибудь, с кем не встречалась, кого Тоби еще не отвергла и с кем мы не были знакомы с первого класса. – Дай мне минуту.

– Олден!

Я продолжала осматриваться, в то время как хозяин дома, Кевин Кастилло собственной персоной, поспешил к нам со стороны столовой, высоко подняв руку, приветствуя нас.

– Рад, что ты пришла.

Палмер кивнула на стол для бейрута, где игра, судя по всему, прервалась – по крайней мере, на время:

⁴ Отсылка к фильму «Когда Гарри встретил Салли».

– Как идет?

– Меня просто раскатывают, – недовольно пробурчал он. – Не хотите выручить? Бри? – сказал он, обращаясь к Тоби. – Тоби? – повернувшись к Бри.

– Наоборот, – сказала я, снова отхлебнув.

Кевин нахмурился:

– Точно? – он снова показал на Бри. – Разве это не Тоби?

– Тоби – это я! – она начинала раздражаться.

Путали их довольно часто, несмотря на то что Бри – высокая и стройная, а Тоби – маленького роста и довольно фигуристая. Кроме того, у Бри были длинные черные волосы, а у Тоби – рыжие и кудрявые, и она постоянно пыталась их выпрямить – порой с катастрофическими результатами. Когда люди столько времени проводят вместе, их неизбежно начинают путать, хотя они совсем друг на друга не похожи и даже ведут себя совершенно по-разному, если уж на то пошло.

– Мы можем объединить наши имена, – сказала Бри, поворачиваясь к Тоби и иронично изгибая бровь. – Тобри. Тогда мы обе сможем на него откликаться.

– А что, в этом есть смысл! – согласилась Тоби. – Тогда ты сможешь ходить вместо меня на историю и получать отличные оценки, а я смогу ходить за тебя на матанализ, и ты перестанешь проваливать тесты.

– Заменяем матанализ на физкультуру, и я согласна, – кивнула Бри.

– И тогда все парни на вечеринках будут подкатывать ко *мне!* – сказала Тоби, так взглянув на Кевина Кастилло, что тот залился краской. (Бри всегда смущалась, если заговорить об этом, но вообще-то она была, без сомнения, красавицей, и мы уже привыкли к подобной реакции со стороны парней.) – Отличная идея.

– Значит, договорились.

– Заметано!

Кевин переводил взгляд с одной на другую, явно не понимая, о чем они. Через секунду он кашлянул и попробовал еще раз:

– Ну так что... Бри, – сказал он, глядя на Бри. – Не хочешь сыграть?

– Тобри! – сказала Тоби, качая головой, и Бри расхохоталась. – Ты что, ничего не понял?

– Олден, – сбитый с толку Кевин окончательно сдался и повернулся к Палмер, – мне нужен твой профессионализм.

Палмер усмехнулась, посмотрев на расставленные стаканы. Она была младшей в семье, в у нее было два старших брата – так что за спиной у подруги были годы тренировок. Именно она научила нас всему, чем обычно подростки занимаются на вечеринках. Еще она могла сменить шину, отвесить оплеуху, а водить научилась примерно в четырнадцать.

– Пожалуй, – пожав плечами, сказала она. – Почему бы и нет?

Она направилась в сторону столовой, Тоби и Бри двинулись за ней. Подруги обернулись, когда стало ясно, что я не иду с ними:

– Энди?

– Не сейчас, – беззаботно пожала плечами я. – Присоединюсь попозже.

Палмер приподняла бровь, показывая, что понимает, по какой причине я остаюсь:

– Ладно, – и посмотрела на меня взглядом, который давал понять, что она по-прежнему не одобряет мою идею, но не собирается больше ничего говорить. У меня было чувство, что, если бы не весь ужас сегодняшнего дня, она бы сейчас задала мне жару. – Желаю повеселиться.

– Не ошибись с выбором! – выкрикнула Тоби громче, чем следовало бы, когда я направилась в кухню, делая вид, что с ними не знакома.

В кухне было пусто, и я собралась пойти поискать Тофера, но потом передумала, подпрыгнув, уселась на столешницу, взяла горсть начос из открытой пачки и достала телефон. Рано или поздно я найду Тофера или он – меня, и, похоже, самый простой способ дать ему это

сделать – оставаться на месте. Я не ожидала увидеть какие-то новые сообщения, потому что все, кто обычно мне их писал, были здесь. Но увидела три, и все от Питера.

ПИТЕР РАЙТ

Если до тебя достучатся какие-нибудь журналисты, говори «без комментариев»

ПРО ЧТО УГОДНО. Никаких заявлений.

Как отец справляется?

Последнее меня удивило. Вещи такого рода обычно знает как раз он, а не я. Почему он меня об этом спрашивает?

Я

Не знаю, я не дома.

Я по опыту знала, что он на это скажет, так что принялась ускоренно печатать:

Я

Ничего особенного, просто пошла перекусить с девчонками. Если хочешь знать, как дела, спроси у него.

Я еще некоторое время смотрела на экран, ожидая ответа. Было понятно, что Питер беспокоится о моем отце – в конце концов, именно в этом состоит его работа. Но если он хочет узнать что-то о его физическом или эмоциональном состоянии, я – последний человек, кого стоит спрашивать.

– Привет.

Я подняла глаза и увидела напротив Тофера, опиравшегося на столешницу посреди кухни. Интересно, давно ли он там: Тоби как-то раз сказала, что, когда я читаю, у меня очень странное лицо.

– Привет, – сказала я тем же равнодушным тоном, выключая экран и кладя телефон на стол.

Мы договорились о границах еще три года назад, когда все это началось, и до сих пор не испытывали никаких сложностей с их соблюдением. Все было без обязательств, и это позволяло нам присутствовать в жизни друг друга, не ощущая напряжения или неловкости. И я это высоко ценила, учитывая, что он был единственным человеком, кто действительно понимал, как устроена моя жизнь. Его мать заседала в Сенате, и в последние три года они с моим отцом скармливали прессе их любимую историю: сенатор и конгрессмен, идеологически на противоположных сторонах баррикад, но живущие поблизости друг от друга, несмотря на все хитросплетения политики в Вашингтоне, выстроившие крепкую дружбу. Они часто ездили вместе на поезде в Вашингтон и обратно, и, несмотря на тенденцию медиа преувеличивать, я знала, что отцу действительно нравится Клэр Фицпатрик. Когда Клэр и папа оказывались в одном помещении, что бывало не так уж часто, например, если мы вместе ужинали, то я и Тофер всегда находили возможность уединиться, особенно во время разговоров о дотациях.

– Что нового? – спросила я, отпивая из бутылки, при этом не отрывая от парня взгляда.

Тофер – сокращение от «Кристофер» – был настолько красив, что я не смогла к этому привыкнуть даже за три года. Подобного рода красоту – высокий рост, загар, светлые волосы,

серые глаза – обычно можно увидеть в рекламе дорогих часов и свитеров. В нем были особый лоск и уверенность, которые я сразу же распознала, впервые увидев.

– Ничего особенного, – сказал он, пригубив бутылку со спрайтом и поставив ее, посмотрел на меня.

Его голос стал немного тише:

– Как ты справляешься?

Я дернула плечом:

– Нормально.

Выражение его лица почти не изменилось, но я знала, что он мне не поверил.

– Правда! – твердо сказала я. – Я уезжаю на все лето в конце недели, так что вообще не собираюсь с этим разбираться.

– А, точно, – кивнул Тофер. – Та медицинская программа, верно?

Я кивнула. Не имело смысла придавать какое-то значение тому, что он помнил, – в конце концов, нас обоих учили именно этому. Выхватывать даты и детали, запоминать, как зовут дочь вон той коллеги и в каком университете она учится. Не забыть, что эта крупная жертвовательница любит орхидеи, и, если ты о них заговоришь, она придет в восторг и будет рассказывать о них весь вечер. Собирать факты о людях, которых ты на самом деле не знаешь, чтобы они поверили в обратное.

– Угадал.

– Значит, мы с тобой некоторое время не будем видеться, – добавил Тофер еще немного тише.

– Возможно, – ответила я, не отводя взгляда.

Он посмотрел на меня, изогнув бровь, и я заметила улыбку, дрожавшую в уголках его губ. Он оттолкнулся от кухонной столешницы и подошел ко мне. Непринужденно склонился надо мной, так, словно совершенно никуда не торопился. Его губы были возле моего уха, но поначалу он не заговорил, просто вздохнул, и от его дыхания, коснувшегося моей кожи, я вздрогнула.

– В таком случае... – произнес он совсем тихо, даже несмотря на то, что мы были одни, взял прядь моих волос и намотал ее на палец, – бежим отсюда?

Тофер сходил на разведку – он обладал особым чутьем на пустые комнаты на вечеринках, в то время как у меня был поразительный талант входить не туда в самый неподходящий момент. Он сказал, что будет ждать меня в подвале, и теперь нужно было выждать, чтобы никто не заметил, что мы исчезли одновременно.

Он установил свои правила игры в самом начале: никто не должен знать (своих подруг я сочла исключением из этого правила, поскольку им полностью доверяла) – и мы должны делать все, что в наших силах, чтобы сохранить тайну. Я добавила свои: не допускается ничего, кроме поцелуев, и все, о чем мы говорим или что делаем, остается между нами. Я обнаружила, что могу быть с ним откровеннее, чем с другими своими парнями, и знала: что бы я ему ни рассказала, он оставит это при себе. Наше положение лучше всего описывала фраза, когда-то подслушанная мной у Питера: «взаимное гарантированное уничтожение». Мы слишком многое друг о друге знаем, и нам обоим есть что терять, поэтому выдать другого – слишком большой риск.

Когда мы начали встречаться с другими людьми, к правилам добавилось еще одно: не встречаться, когда мы с кем-то еще. Вследствие чего я и Тофер могли не видеться месяцами. Но, тем не менее, я находилась в некоторой зависимости от наших отношений.

Посмотрев на экран телефона, я решила, что уже безопасно идти за ним, пересекла гостиную и направилась в сторону подвала, не забыв запереть за собой дверь.

Иногда встречи с Тофером утоляли мою эмоциональную жажду, а иногда после них я начинала хотеть большего. К счастью, сегодня был первый случай. Некоторое время мы жадно целовались, но потом интенсивность ощущений померкла, и наши поцелуи стали более мед-

ленными, тягучими. Я оторвалась от него и положила голову ему на грудь, он же рассеянно гладил меня по волосам одной рукой.

Я посмотрела вверх с дивана, на котором мы лежали. Помещение больше походило на переделанный гараж, чем на подвал: тут был диван, телевизор еле помещался среди столов с инструментами. Кто-то в семье Кастилло явно увлекался машинами: в этом гараже-подвале их было три, еще две были укрыты брезентом, и рядом с ними аккуратно лежали инструменты. Я бросила взгляд на ближайшую к нам – красный винтажный «мустанг» – и ощутила резкий укол боли, как всегда, когда мне попадались такие машины. У мамы был желтый, с откидным верхом, 1965 года выпуска – ее краса и гордость. Но я не видела его уже несколько лет – очевидно, он отправился туда же, куда и остальные ее вещи: либо был продан, либо где-то хранился. Я знала точно только одно: когда мы переехали в новый дом, никаких напоминаний о маме в нем не было.

Я повернулась спиной к «мустангу» и провела рукой по ткани обивки:

– Здесь на удивление удобно.

Тофер хохотнул:

– Ну, это тебе не какая-нибудь прачечная.

Я немного приподнялась, чтобы посмотреть на него, и он улыбнулся, потянув прядь моих волос и наматывая ее на палец.

– Я буквально на днях вспоминал тот вечер.

– Правда?

– Да, – кивнул он. – Нам очень повезло.

Услышав это, я села чуть прямее и посмотрела ему в глаза, начиная нервничать: он что, собрался изменить правила игры прямо сейчас?

– Повезло, что нас не поймали, – объяснил он, и я расслабилась.

– Это уж точно.

Это было три года назад, но я помнила все так отчетливо, будто это было вчера: восторг от своей первой вечеринки, затем полицейские мигалки сквозь окно и панику от осознания того, что я не просто крупно влипла, но и, возможно, поставила крест на карьере своего отца. Я отчаянно пыталась найти выход в творящемся хаосе, и вдруг откуда ни возьмись возник Тофер Фицпатрик и взял меня за руку. Мы не были знакомы – учились в разных школах и лишь однажды обменялись парой слов на приеме в резиденции губернатора штата. Но в его глазах я увидела тот же самый парализующий страх, который чувствовала сама, от понимания, насколько на самом деле высоки ставки. Он наклонился ко мне ближе, чтобы я его услышала сквозь шум, который издавали убегающие перепуганные люди, разбивавшие бутылки и стаканы, которые попались под ноги, в попытках найти отсюда выход как можно скорее.

– Бежим отсюда? – спросил он.

Я кивнула, он крепче сжал мою руку, и мы побежали. Он остановился перед дверью, мимо которой я промчалась бы, не заметив, и распахнул ее. Это была прачечная – крошечное помещение со складным столом, стиральной машиной и сушилкой над ней. Здесь было буквально негде повернуться. Тофер затащил меня внутрь, мы захлопнули за собой дверь и принялись ждать в темноте.

Сразу нас не нашли, и после того, как мы несколько минут с ужасом прождали, что полицейские вломятся в дверь, мы оба слегка расслабились и добрались до складного столика. Мы сидели вместе возле стопки аккуратно сложенных махровых полотенец, из маленького окошка над стиральной машиной лился лунный свет, и пахло кондиционером для белья. Когда панический страх, что всему конец, начал постепенно отступать, я начала получать удовольствие от ситуации: я сижу при луне, совсем рядом с симпатичным сероглазым парнем.

Мы начали болтать – о родителях, о школе, о своей версии событий, которую придумали на случай, если нас все-таки обнаружат: как только стало понятно, что в нашем присутствии

нарушается закон, и несовершеннолетние употребляют алкоголь, мы немедленно покинули это место. Я не сразу поняла, что прошло уже достаточно времени, чтобы можно было покинуть убежище, затем повернулась к Тоферу, сказать ему об этом, и обнаружила, что он сидит ко мне гораздо ближе, чем я думала, и смотрит задумчиво, словно изучая мое лицо. Сердце сильно забилося, но я заставила себя не отводить взгляда, когда он смахнул выбившуюся прядку у меня со лба и намотал ее на палец, прежде чем заправить мне за ухо. А потом очень медленно он наклонился и впервые в жизни поцеловал меня.

Кончилось тем, что мы целовались, опираясь на стопку полотенец, пока хозяин вечеринки, явно очень раздраженный, не принялся стучать во все двери в коридоре, сообщая всем, что вечеринка окончена и все должны либо помочь ему убрать в доме, либо сами обратиться ко всем чертям.

– Ну, – сказал Тофер, когда я спрыгнула со стола и попыталась пригладить волосы.

Губы казались опухшими, голова немного кружилась, и меня наполняла безумная энергия. Я только что *целовалась*. Я мечтала немедленно рассказать об этом подругам. Интересно, внешне во мне что-нибудь изменилось? Я посмотрела на Тофера. Казалось, он немного нервничает, словно набирается сил для чего-то:

– Ты же понимаешь, что это необязательно должно что-то значить?

Я моргнула. Похоже, он боится, что я захочу придать этому какое-то особое значение: допустим, решу, что теперь мы начнем встречаться, или что-то подобное.

– Нет, – сразу же сказала я, – конечно, не должно. – У меня никогда не было парня, но я наблюдала отношения Палмер с Томом уже месяц, и даже сама мысль о том, чтобы быть настолько зависимой от другого человека, заставляла меня задыхаться. – Впрочем, мне понравилось.

Что-то промелькнуло у него на лице – словно бы он увидел во мне нечто, что было ему знакомо, и испытал облегчение, смешанное с радостью от неожиданного открытия.

– Это, – сказал он, улыбаясь мне, – было *намного* лучше ареста.

С тех пор прошло три года, а между нами все было по-прежнему. Я поиграла с пуговицами его рубашки, размышляя об этом:

– Я думаю, возможно, стоило сложить те полотенца.

Тофер рассмеялся:

– Знаешь, по-моему, меня это травмировало! Я несколько месяцев не мог отделаться от воспоминаний, когда чувствовал запах кондиционера для белья!

– Чем будешь заниматься летом? – спросила я, когда поняла, что молчание затянулось.

– Стажировка, – с тяжелым вздохом ответил он. – В офисе у отца. Ну и весело будет.

– Вот как? – сказала я с некоторым удивлением.

Отец Тофера был адвокатом, и, хотя ничего особенного в том, чтобы стажироваться у кого-то из родителей, не было, мы оба знали, что это не самая хорошая строчка для резюме.

– Я знаю, – сказал он, опустив руки мне на плечи и поглаживая их. – Но все приличные вакансии были уже заняты. Я только в прошлом месяце начал подавать заявки, и уже тогда не нашел ничего подходящего. И стажировки, и летние программы – даже на волонтерские позиции были огромные листы ожидания, – он слегка отклонился, словно пытаясь лучше меня разглядеть. – Ты же об этом позаботилась еще в марте, так ведь?

Я слегка пожала плечами и ответила:

– В феврале, – удержавшись от того, что на самом деле хотела сказать. А именно – что ему не стоило быть столь легкомысленным. Такими вещами действительно надо заниматься заранее. Те вакансии, стажировки и программы, которые выигрышно смотрелись бы в резюме и действительно что-то значили, расходятся быстро. – Но я уверена, что в офисе твоего отца будет интересно, – добавила я, снова преисполнившись благодарности, что сама еду в Университет Джона Хопкинса и добавлю значимый факт к своей биографии.

– Я буду держать тебя в курсе, – сказал он, проведя большим пальцем по линии моих губ.
– Серьезно? – спросила я, приподнимаясь на локте. – Будешь посылать мне открытки или как?

Тофер улыбнулся.

– Каждый день, – ответил он, подстраиваясь под мой тон.

Я рассмеялась и резко встала с дивана. В этот раз я ушла первой, вернувшись на вечеринку и надеясь только на то, что никто не заметил моего отсутствия.

Через три часа я, зевая, шла по дорожке к своему дому, а Палмер махала мне из окна своего микроавтобуса. Бри предлагала остаться у нее – Тоби, конечно же, так и сделала, – но я отказалась, в первую очередь потому, что ее древняя и злобная кошка, Мисс Капкейкс, объявила мне прямо-таки кошачью вендетту.

Я вошла, пересекла прихожую и выключила за собой свет, перечисляя в голове все, что мне предстояло сделать: приготовиться ко сну, а потом еще раз проверить, что надо взять с собой на программу, а потом... И тут я услышала громкий скрип половиц у себя за спиной и резко повернулась с бешено колотящимся сердцем.

Прямо у меня за спиной никого не было, но в конце коридора, который вел к кабинету моего отца, в дверях стоял он сам, явно выглянув проверить, что происходит.

– Энди!

Я испустила легкий испуганный вздох и сделала шаг в его направлении, прищурившись в темноте. Единственный источник света был в комнате у него за спиной, поэтому фигура отца отбрасывала на пол длинную тонкую линию.

– Привет, – сказала я, подняв одну руку, чтобы помахать, но тут же снова ее уронила, осознавая всю нелепость этого жеста. Теперь казалось странным, что я могла так перепугаться просто из-за присутствия в доме кого-то еще. Но я попросту забыла, что он здесь.

Отец тоже сделал шаг в мою сторону и сразу остановился, так что мы по-прежнему оставались на разных концах коридора. Он потер тыльную сторону шеи, глядя на меня так, словно тоже был удивлен моему появлению.

– Я не знал, что ты... – он откашлялся, затем попробовал снова: – Я думал...

Но и эта фраза осталась незаконченной. Он задрал рукав рубашки, чтобы посмотреть на часы:

– Уже довольно поздно, не так ли?

– Не знаю, – ответила я, сдержавшись, чтобы не сказать, что из нас двоих часы у него.

– Третий час, – сказал он, и я кивнула: похоже на правду.

– Почему ты не спишь? – спросила я, хотя вообще-то это было не так уж необычно: когда он бывал дома, то часто работал ночами. А по выходным, когда я ездила на поезде в Вашингтон и останавливалась в его квартире на Дюпон Серкл, мы иногда и вовсе не виделись: он все время был в офисе или на встречах.

– Нужно было привести кое-какие дела в порядок, – сказал он, на секунду прикрыв глаза и потирая переносицу. – Есть много вещей, которые я не завершил, и хочу удостовериться, что все будет хорошо.

Я кивнула и сделала шаг по направлению к лестнице.

– Ну ладно... – сказала я, и отец скрестил руки на груди.

– Ты всегда приходишь домой в такое время? – в его голосе звучала в первую очередь растерянность. – Джой нормально к этому относилась?

Я сильно закусила губу, чтобы ненароком не рассмеяться. Вообще-то, у меня никогда не было комендантского часа. Когда мне исполнилось двенадцать, в доме начали время от времени появляться люди, которые должны были за мной присматривать. Например, профессиональная няня, которую наняли сразу после того, как я вернулась из лагеря, где проходила

программу реабилитации для детей, потерявших кого-то близкого; отец отправил меня туда сразу после похорон мамы. Но когда его оппонент на тогдашних выборах узнал об этом, то принялся использовать информацию для нападок на отца, говоря, что никогда бы не позволил посторонним людям заниматься воспитанием своих детей. Так что няню рассчитали, и какая-то дальняя родственница приехала к нам пожить. Конфликт был исчерпан – все стало выглядеть так, будто отец просто позвал на помощь членов семьи, чтобы выручить его в трудные времена. Это было довольно сложно демонизировать – горюющий вдовец пытается сделать все, что в его силах. Хотя его оппонент не оставил попыток, что с некоторой долей вероятности и помогло отцу сохранить свое кресло той осенью.

Родственники же никогда не оставались действительно надолго, все эти троюродные сестры и дети сводных братьев и сестер. Они селились в доме или в обставленной комнате над гаражом, возили меня на машине всюду, куда нужно, но большую часть времени позволяли мне заниматься своими делами.

Как только я сама смогла водить машину, эта должность стала по большей части символической – просто на всякий случай, чтобы люди не думали, что дочь конгрессмена остается одна, без присмотра, когда он в Вашингтоне. Последней в этом ряду была Джой – падчерица сводной сестры моего отца. Но как только разразился скандал и мой отец вернулся, она испарилась, оставив на кухонном столе записку, куда послать чек. При этом большая текучка родственников означала, что я могу говорить им все, что сочту нужным. И первое, что я сказала Джой, – что у меня нет комендантского часа.

– Ну да, – сказала я, делая еще один шаг по направлению к лестнице, – она нормально к этому относилась.

– А, – кивнул отец.

– О, – вспомнив кое-что, сказала я и снова обернулась к нему, хотя уже собиралась подняться по лестнице. Теперь мы были так далеко друг от друга, что я уже не могла разглядеть выражения его лица. – Питер писал. Хотел узнать, как ты.

Отец секунду смотрел на меня, потом вздохнул, и его плечи еле заметно поникли.

– Я в порядке, – сказал он, хотя в его голосе слышалась чудовищная усталость.

– Возможно, стоит сказать об этом Питеру. Мне показалось, он волнуется.

Теперь мы с отцом просто стояли в коридоре и молчали, пока молчание не стало непереносимым.

– Спокойной ночи, – выдавила я и отвернулась, не дожидаясь ответа, щелкнула выключателем, и прихожая погрузилась во тьму, а я пошла по лестнице в свою комнату, шагая через две ступеньки.

Глава 3

На следующее утро мой телефон зазвонил в семь.

Я повернулась на бок, взяла его и, прищурившись, посмотрела на экран. Номер был незнакомый, однако по коду можно было определить, что это регион Балтимора.

– Алло, – ответила я сонным голосом.

– Доброе утро, – ответила женщина на другом конце. – Меня зовут Каролина, я звоню по поводу программы молодых ученых в Университете Джона Хопкинса. Могу я поговорить с Александрой Уокер?

– Это я.

Я на мгновение убрала телефон подальше от лица, торопливо откашлялась и села прямо. Одних только слов «молодые ученые» было достаточно, чтобы я ощутила волнение. Может, она звонит, чтобы в последний момент напомнить о чем-нибудь важном, или это официальное приветствие накануне программы.

– Вот как, – она кашлянула, и я услышала шуршание каких-то бумаг. – Простите за столь ранний звонок.

– Я уже встала, – соврала я, надеясь, что мой голос звучит убедительно. – Не могу дожидаться завтрашнего дня и начала программы.

Повисла пауза, и на том конце снова зашуршали бумаги.

– Да, – сказала она, и затем я услышала, как женщина достаточно громко вздохнула, как бывает, если происходит что-то ужасное. – К вопросу об этом. Мне крайне жаль, но мы вынуждены отменить ваше зачисление на программу в этом году.

Дважды моргнув, я почувствовала, как холодею.

– Простите? – переспросила я, включив звук в телефоне на максимум и изо всех сил прижимая его к уху, предположив, что просто ослышалась.

– Да, боюсь... – на том конце снова зашуршали бумаги, и мое сердце вдруг забилось быстро-быстро, словно я выпила свою дневную порцию латте одним глотком. – Дело в том, что доктор Риццоли отозвал свое рекомендательное письмо, и, поскольку в вашем пакете документов не было другого, место было передано одному из студентов из листа ожидания.

– Что? – прошептала я, сжимая телефон так сильно, что костяшки побелели. – Я не понимаю, то есть хочу сказать... можно же сделать что-то еще?!

– Боюсь, что нет. Это место уже занято. Прошу извинить за столь позднее уведомление, но доктор Риццоли прислал электронное письмо только вчера вечером, – сказала она, и я услышала в ее голосе облегчение, словно с самой сложной частью она уже справилась и мечтала просто закончить этот разговор как можно скорее. – Ваш депозит и внесенная плата за обучение, конечно же, будут возмещены.

– Подождите, – сказала я, хотя мне совершенно нечего было на это ответить, но я чувствовала, что нужно как-то продолжить этот разговор, чтобы попытаться найти какой-то выход. Это сон. Это *не может* быть правдой.

– Еще раз приношу наши извинения, – сказала она, и я прямо-таки почувствовала, как ей хочется положить трубку. – Мы будем рады вашей повторной заявке в следующем году.

– Но... – проблеяла я, мечтая соображать быстрее, – я...

– Хорошего дня.

Секундой позже связь оборвалась, и я осталась в недоумении глядеть на свой телефон. Разговор, полностью уничтоживший мои планы на лето и, возможно, ставящий под угрозу мою будущую карьеру врача, занял две минуты тридцать три секунды.

Мое сердце продолжало бешено колотиться, и меня охватило чувство отчаяния и паники. Надо что-то делать, чтобы это исправить. Как угодно, но необходимо все вернуть на свои места. Я не верю, что все закончилось.

Я оглядела комнату. Лучи раннего утреннего солнца падали наискось сквозь жалюзи. Мой взгляд упал на чемодан, который я собрала накануне вечером, практически зазубрив раздел «Что взять с собой» из сопроводительных документов. Необъяснимым образом это усилило мою решимость: я уже *собрала вещи*. У меня были планы, все мое лето было выстроено вокруг этой программы. И какая-то женщина по имени Каролина не уничтожит все это двухминутным звонком.

Я открыла список контактов и пролистала его. Номера доктора Риццоли у меня не было – только почта, на которую я ему послала письмо с благодарностью. Это все наверняка из-за пресс-конференции. Не было другого объяснения тому, что он вдруг решил отстраниться от всего, что связано с моим отцом, – в данном случае от меня.

Но если он смог послать письмо, которое все разрушило, значит, может послать и другое, которое все исправит. В конце концов, еще есть немного времени: программа начинается только завтра. Мне просто придется убедить его, что отец тут совершенно ни при чем и он должен связаться с Университетом Джона Хопкинса и сказать, что то письмо было ошибкой: случайно отправилось из черновиков – что угодно, мне было все равно, что именно он им скажет. Но Риццоли был *просто обязан* все исправить.

И у меня было ощущение, что он не сможет мне отказать, когда я предстану прямо перед ним.

Я выскочила из постели и бросилась к шкафу.

Через двадцать минут я сидела в своей машине, припаркованной через дорогу от дома доктора Даниэля Риццоли. Он жил на Саунд Бич на первой береговой линии. Чем ближе к берегу, тем дома стоили дороже: красивые, огромные, пугающе роскошные. Дом доктора Риццоли не был исключением. В последний раз я была здесь на отцовском мероприятии по сбору средств. Ворота были широко распахнуты, вдоль дорожки горели фонари со свечами, парковщики в белых пиджаках сновали повсюду, принимая машины гостей.

Мой телефон, лежавший в подстаканнике, завибрировал. Я посмотрела на экран: сообщение от Палмер. Они с Томом собирались позавтракать в закусочной и интересовались, не хочет ли кто-нибудь присоединиться. Я понятия не имела, почему они встали так рано, но точно не хотела отвлекаться на переписку. Мне нужно было сконцентрироваться. Я положила телефон экраном вниз на пассажирское сиденье и опустила солнцезащитный козырек с зеркальцем, чтобы в последний раз проверить, все ли в порядке. Я хотела выглядеть компетентной и достойной рекомендации, но не слишком строгой – в конце концов, еще нет даже восьми утра. В итоге я остановилась на синих джинсах и рубашке, и поскольку не хотела тратить время на прическу, то просто завязала волосы в узел на затылке, добавила капельку блеска для губ, затем бросила его в сумку и подняла щиток.

– Ладно, – я вдохнула, задержала дыхание на семь секунд, а затем выдохнула в течение десяти. Это было единственное знание, которое я вынесла из реабилитационного лагеря: способ замедлить сердцебиение и успокоиться. Я всегда его использовала, находясь в стрессовых ситуациях. И к этому неприятному разговору я была готова. Всю дорогу я, выключив радио, репетировала речь. У меня были готовы аргументы на каждый довод доктора Риццоли. Я справлюсь.

Сделав вдох, я открыла дверцу машины и сощурилась от солнечного света. «Здравствуйте, доктор Риццоли, – репетировала я вполголоса. – Доброе утро, доктор Риццоли. Прошу прощения за беспокойство...» Я кивнула. Да, так я и скажу. Я расправила плечи и двинулась к дому.

На середине улицы я услышала громкий и радостный собачий лай, обернулась – и глаза поползли на лоб. По дороге, высунув язык набок, бежала огромная лохматая белая собака. За ней волочился поводок – его пластиковая ручка билась об асфальт. Похоже, собака была одна. Я с беспокойством огляделась по сторонам – хозяина поблизости не наблюдалось. Эта улица была не слишком оживленной, но мне все равно казалось, что оставлять собаку без присмотра – не слишком хорошая идея.

– Эй! – крикнула я, жестами подзывая ее к себе, уверенная в собственном успехе. – Иди сюда.

Собака остановилась и посмотрела на меня, а потом уселась посреди улицы, не самое удачное решение.

– Ну давай, – кричала я, продолжая жестикулировать, и сделала маленький шаг ей навстречу.

Собака вскочила и отбежала на несколько шагов, а затем снова уселась. Я видела, как она колотит по асфальту длинным хвостом. Похоже, она решила, что мы играем в игру, и ей это очень нравилось.

– Ладно, просто сиди на месте, – сказала я и начала медленно двигаться в ее направлении. Я была всего в паре метров от поводка, лежавшего на асфальте, – если мне удастся его схватить, можно будет решить, что делать дальше.

У меня почти не было опыта обращения с собаками: дома мы их никогда не держали, мои подруги – тоже. У Палмер были полудикие кошки, которые приходили и уходили, когда вздумается, а у Бри была Мисс Капкейкс, злобное кошачье отродье. Впрочем, у Натана Трентона, с которым я встречалась в десятом классе, была классная собака, которая мне очень нравилась. Он постоянно жаловался, что его пса я люблю больше его самого, – когда я осознала, что он прав, я его бросила.

Я осторожно подбиралась к собаке, которая продолжала стучать хвостом по асфальту и смотреть на меня, открыв пасть и свесив язык, и могла поклясться, что она мне улыбалась. Я медленно вытянула руку, глядя ей в глаза и продолжая аккуратно приближаться.

– Берди! – услышался громкий испуганный голос. Я обернулась и увидела несущегося по улице и лихорадочно оглядывающегося парня. Как только он заметил собаку, то сразу же расслабил напряженные плечи – это было заметно даже на расстоянии. Он припустил еще быстрее, а я повернулась к собаке, и в этот момент поняла сразу две вещи.

Во-первых, собака явно собиралась сбежать. Она, похоже, решила, что ее любимая игра набирает обороты. Во-вторых, на улице показалась машина, которая ехала в нашу сторону намного быстрее, чем было разрешено правилами.

Я бросилась к собаке и схватила поводок, а затем потащила ее прочь с дороги. Поначалу она сопротивлялась, но потом, решив, что это весело, побежала сначала рядом со мной, а затем обогнала меня и сбила с ног. Падая, я услышала скрип тормозов, а парень закричал: «Эй!». Машина резко развернулась и помчалась в обратную сторону, по-прежнему на большой скорости.

Пес принялся лезть мне в лицо своей мокрой мордой, и я оттолкнула его, садясь и все еще не выпуская из рук поводка, на случай если он – теперь мне было ясно видно, что кобель – снова попытается сбежать. Он был очень большим, с пушистой белой шерстью и розовым носом. Длинный хвост загибался вверх, глаза были черные с короткими белыми ресницами. Пес ни на секунду не остановился, то вскакивая, то садясь обратно и снова пытаясь облизать мое лицо, словно был невероятно счастлив оттого, как все обернулось, и его широкая улыбка была по-прежнему на месте.

– Успокойся, – сказала я, слегка ослабив хватку, стряхивая грязь с джинсов, а затем протянула руку и погладила пса по голове, несмотря на то, что он не слишком-то этого заслуживал.

Его хвост застучал по земле еще быстрее, и он склонил голову, как бы намекая, что на самом деле я должна чесать за ушами.

– Берди! – парень бежал к нам, судя по крикам, почти задыхаясь. – Извините... вы в порядке? А пес? – он остановился и согнулся, уперев руки в колени и пытаясь отдышаться.

– В порядке, – ответила я, поднимаясь. Все обошлось – возможно, завтра на бедре образуется синяк, но не более того.

Пес посмотрел на меня снизу вверх, склонив голову набок, и я не могла не признать, что он был довольно милым. На мгновение я посочувствовала ему из-за дурацкой клички – Берди. Серьезно? Птенчик? Как вообще можно было так назвать собаку? Я отряхнула руки и еще раз почесала пса за ухом. Шерсть была мягкой, шелковистой, и ее было так много: казалось, промокни он, сразу же уменьшится в размере наполовину. Заметив металлический ярлычок на зеленом кожаном ошейнике, я прочла гравировку «Берти». Все же лучше, чем Берди, но не намного.

– Держи, – сказала я, передавая поводок парню, который все еще никак не мог отдышаться. Я не хотела грубить: от этого меня отучили много лет назад, сначала родители, потом Питер, – но и не пыталась быть вежливой с человеком, не способным уследить за питомцем. Кроме того, у меня были дела.

Парень выпрямился и улыбнулся мне:

– Спасибо.

Я непроизвольно отступила на шаг назад. Издалека парень показался мне старше – лет двадцати. Но сейчас я видела, что мы примерно одного возраста.

Он был всего сантиметров на пять выше меня, то есть примерно метр семьдесят пять, стройный, широкоплечий, с темно-русыми коротко подстриженными и аккуратно причесанными волосами и темно-кариими же глазами; одет в черную рубашку с крупной желтой надписью «Тот дроид, которого ты ищешь». Мне это что-то смутно напомнило, но я не могла понять, что именно. На щеках у парня две глубокие ямочки. словно его улыбку взяли в круглые скобки, что притягивало внимание, поэтому я поспешила отвести взгляд. Он носил очки в оправе, сверху ровной, а книзу скругленной. Когда мы взглянули друг на друга, он заулыбался еще шире.

– Не за что, – ответила я, отступая еще на шаг.

– В самом деле извините, пожалуйста, – сказал он, глядя на пса. – Не могу понять, как так вышло, что он вырвался у меня из рук вместе с поводком.

Парень пожал плечами и засунул руки в карманы. Только когда Берти вздернул голову, парень сообразил, что в одной из них по-прежнему зажат поводок. Я заметила, что его щеки, а с ними и кончики ушей покраснели.

– Хм, – замылся он и откашлялся. – Я не очень умею управляться с собаками, – с каждым словом его голос становился все тише.

Я собралась возразить, что это довольно глупое оправдание, так как у него уже есть собака, но передумала.

– Ничего, – сказала я и улыбнулась напоследок, перед тем как снова повернуться в сторону дома доктора Риццоли. Я даже сделала несколько шагов в его направлении, когда поняла, что вся эта собачья драма разыгралась прямо перед его окнами. Велика ли вероятность, что он видел все, что произошло?

Пес рванулся ко мне, парень прикрикнул на него: «Берт!», оттащивая в сторону, вслед за чем послышалось тонкое расстроенное поскуливание. Но мое внимание было занято совсем другим.

Я изучала фасад дома доктора Риццоли и постепенно теряла всякую надежду. Шторы были опущены. Нигде, насколько можно было разглядеть, не горел свет, не было машин на подъездной дорожке, и, что самое красноречивое, переднее крыльцо покрывал слой опавших

листьев. Так что доктора Риццоли либо нет в городе, либо он довольно давно не выходил из дома. Почему я вообще решила, что он будет меня дожидаться в полной готовности исправить свою ошибку и позволить мне поехать на программу?

Я разглядывала дом, убеждая себя, что смогу решить проблему, что еще ничего не кончено. Можно достать его номер, позвонить ему, заставить передумать... Но еще только обдумывая этот план, я уже знала, что он не сработает. Эмоции, которые привели меня сюда, начинали проходить, и я осознала реальную ситуацию: доктор Риццоли послал письмо в Университет Джона Хопкинса, и меня исключили из программы. Он сделал это осознанно и вряд ли передумает, даже если я вежливо его попрошу.

Я почувствовала, как сейчас расплачусь, поэтому повернулась и пошла в другую сторону, к своей машине, скрестив руки на груди.

– Эй, ну так... еще увидимся? – крикнул парень мне вслед, и я услышала в его голосе волнение и надежду.

В других обстоятельствах я бы нашлась, что ответить. В конце концов, он был симпатичным, хотя и совсем не умел обращаться с собаками. Но не сегодня, когда вся моя жизнь разбилась вдребезги и лежала у ног.

– Думаю, нет, – сказала я, глядя вперед и открывая дверцу своей машины. – Я живу не в этом районе. – Я забралась в машину, но не завела ее – в первую очередь потому, что совсем не представляла, что теперь делать и куда ехать.

Парень повернулся и пошел обратно, вверх по улице. Я еще несколько секунд наблюдала за ними – Берти бросился бежать, и парень, спотыкаясь, тащился за ним в нескольких шагах позади.

Я заставила себя отвернуться и взяла телефон. Разблокировала и замерла. Если сейчас же не прекратить думать о последствиях для будущего, я сойду с ума. Нужно что-то делать дальше. Я посмотрела на экран, где все еще было открыто сообщение от Палмер, и Бри ответила, что она придет, если сумеет вытащить Тоби из кровати.

Я пока не знала, что собираюсь делать, но точно не стоило начинать, не выпив кофе.

Я

Я с вами. Буду через 15 минут.

Я медленно выдохнула и завела машину. Еще раз оглянулась, чтобы посмотреть, где парень и его собака, но они уже скрылись из виду.

Это место мы всегда называли просто «закусочная», хотя, если верить меню, у кафе было название: «Лучшие дни». Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь так его называл, но это объясняло наличие песен Брюса Спрингстина в автоматических проигрывателях, которые стояли на каждом столике. Мы ходили сюда с восьмого класса, в те времена, когда нас еще не приглашали на вечеринки, а нам очень хотелось уйти из дома в субботу вечером. Мы были здесь завсегдатаями и прекрасно знали, кому из официантов мы симпатичны, а кто нас на дух не переносит, и какой из менеджеров самый симпатичный.

Здесь мы собирались, чтобы посмеяться, посплетничать или поругаться. На парковке перед закусочной я целовалась с мальчиком, от которого пахло молочным коктейлем и картошкой фри. Именно здесь мы встретились на утро после того, как Палмер впервые переспала с Томом, и обсудили каждую деталь над тарелками с блинами и вафлями.

В этот ранний час посетителей было мало, так что я смогла припарковаться прямо у входа. Я вскарабкалась по ступенькам, потянула за металлическую ручку двери и прошла мимо автоматов с леденцами и игровых автоматов. На одну из этих игр Бри два года назад просто

подсела. Табличка была повернута стороной «Садитесь где вам угодно», так что я сдвинула солнцезащитные очки на лоб и осмотрела помещение. Наша любимая кабинка была занята какой-то семьей: дети вопили, а родители игнорировали их, увлекшись газетами. Я поискала глазами нашу запасную кабинку, увидела Палмер, сидевшую в одиночестве, и быстро направилась к ней, все еще чувствуя себя выбитой из колеи. Но возможность обсудить ситуацию с лучшей подружкой наверняка поможет поправить положение.

– Привет, – сказала я, ныряя в кабинку и садясь напротив. Перед Палмер стояла наполовину съеденная тарелка с вафлями и ее любимая ванильная кола.

– Привет, – она с удивлением посмотрела на меня своими голубыми глазами. – Как ты быстро. Превысила скорость?

– Не совсем, – ответила я, взяла меню, но быстро закрыла, потому что и так хорошо знала, что завтраки, сырники, палочки, бургеры, сэндвичи можно заказывать без опасений. А некоторые блюда нельзя употреблять в пищу ни при каких обстоятельствах. Палмер нравилось заключать пари, и в прошлом году она заставила Тоби заказать омара за семь долларов. Принесенное блюдо выглядело настолько подозрительно, что подружка немедленно прекратила спор, пока никто из нас не получил пищевое отравление.

– Я была на Саундвью, – начала я, – и...

– Привет, Энди, – сказал Том с улыбкой, подходя к столу, затем посмотрел туда, где сидела я, и улыбка исчезла. – Ты что, заняла место?

– Боюсь, что так, – сказала Палмер и похлопала ладонью по дивану рядом с собой: – Забирайся, солнышко.

У нас была четкая схема рассадки в закускойной: мы с Палмер садились напротив друг друга у стены, ближе всего к проигрывателю, Бри – рядом со мной, а Тоби – напротив нее. Если кто-то из нас отсутствовал, Том занимал место напротив Палмер, когда же все были в сборе, то он усаживался на табурет в конце стола, но никогда не проявлял недовольства – памятуя, что это правило появилось в нашей компании раньше него. За последние три года Том де-факто стал ее частью, но при этом всегда уважал наше единство и каким-то шестым чувством определял моменты, когда нам нужно было остаться вчетвером.

Том уселся рядом со своей девушкой и чмокнул ее в щеку, а затем посмотрел на полупустую тарелку.

– Хочешь блинов? – предложил он, но я помотала головой.

С Томасом Харрисоном я была знакома с третьего класса и никогда не обращала на него особого внимания. Тихий, опрятно одетый, он ничем особо не выделялся, в средней школе участвовал в каждом спектакле, получая в основном второстепенные роли, но был замечен и в главных. Не зная Тома, можно было бы подумать, что он гей, потому что никто никогда не видел его с девушкой.

На третий день учебы в девятом классе я стояла у шкафчика, пытаюсь сообразить, куда засунула учебник по биологии, и тут Палмер схватила меня за руку.

– Кто это? – прошептала она более возбужденным, чем обычно, голосом.

– Где? – спросила я, заглядывая за спину Тому Харрисону, который аккуратно убирал книги в шкафчик, и пытаюсь понять, про кого говорит Палмер.

– Да вот же! – прошептала она, впиваясь ногтями мне в руку, и тут я поняла, что она смотрит прямо на Тома, а ее щеки пылают. Через неделю они начали встречаться, и с тех пор не расставались.

– Так вот, – я наклонилась вперед, намереваясь рассказать им о случившемся. Всю дорогу мои мысли беспорядочно скакали, и я не могла сконцентрироваться ни на чем конкретном, что помогло бы понять, как действовать дальше. Я надеялась, что, пока буду им рассказывать, меня осенит. – Значит, в семь утра у меня звонит телефон, и...

Я резко замолчала, потому что заметила, что Палмер одета, как обычно, в джинсы и майку, а вот на Томе рубашка с воротником, который высовывается из-под узорчатого красно-белого рождественского свитера. И если в рубашке не было ничего необычного – он всегда одевался так, словно идет на торжественное мероприятие, то со свитером было что-то не так.

– Том, почему ты выглядишь как на рождественской открытке?

Он собрался ответить, но тут перед нами выросла Карли, одна из официанток, которая нас на дух не выносила, с карандашом и планшетом наготове.

– Готова заказать, куколка?

Карли всем давала прозвища. Тоби она называла «Веснушки», отчего та была вовсе не в восторге.

– Мне, пожалуйста, завтрак номер один с хрустящим беконом и диетической колой.

– Белый или ржаной? – ни секунды не медля, спросила Карли.

– Белый, слегка поджаренный. Даже скорее подогретый, чем поджаренный. И картофельные оладьи вместо картошки по-домашнему.

– Ясно, – Карли собралась уходить.

– Сделайте, пожалуйста, бекон очень хрустящим, – вмешалась Палмер, слегка наклонившись вперед. – Зажарьте его до такой степени, чтобы вам показалось, что его теперь его невозможно прожевать, – и это будет идеально.

– Хорошо, – ответила Карли тем же тоном, что на мои комментарии о степени прожарки тостов, поэтому я не была уверена, что она вообще что-то слышала.

– Спасибо, – сказала я Палмер, когда Карли ушла.

– Я просто пытаюсь сэкономить время, – ответила та с ухмылкой. – Помнишь историю с беконом в прошлом мае?

Том поежился:

– Я помню.

Я закатила глаза, потянулась к стакану с водой, стоявшему возле Палмер, и отхлебнула:

– Не было никакой истории, – и снова перевела взгляд на Тома: – Ну так почему у тебя Рождество в июле?

– Праздник не праздник без домашней ветчины! – серьезно сказал мне Том. – В этом году я хочу получить ее в подарок на Рождество.

Я уставилась на него:

– Ничего не понимаю.

– Это для прослушивания, – сказала Палмер с гордостью в голосе. Они оба поддерживали друг друга во всех начинаниях и до сих пор думали, что им невероятно повезло. Если бы это были не Палмер и Том, такое единодушие трудно было бы выносить. – В Нью-Йорке, – добавила она.

– Вот как, – протянула я, все наконец стало проясняться.

Том завел себе агента, когда прошлой осенью кто-то заметил его в постановке «С собой не унесешь»⁵. С тех пор он довольно часто ездил в Нью-Йорк на прослушивания, нервно сжимая в руках лучшую фотографию, которую мы все помогали ему выбрать. Он даже попал в пару региональных рекламных роликов, но ничего стоящего ему пока так и не предложили.

– Но почему ты *сейчас* так одет? – спросила я. – Тебе не жарко?

– Немного, – сознался он, отхлебывая воду. – Но я хочу вжиться в роль, понять, почему для Дэвида – я решил, что его будут звать Дэвид, – так важна ветчина, что он хочет ее на Рождество. Может быть, в его жизни не хватает чего-то другого? Это ведь может быть правдой?

– И свитер тебе помогает найти ответы на эти вопросы?

– Уж точно не мешает, – сказал Том, делая еще один большой глоток.

⁵ Мюзикл.

– Ладно, – Палмер повернулась ко мне. – Твой телефон звонит в семь утра, и что дальше?

– Да, точно, – сказала я. – Я вижу код Балтимора и, конечно, поднимаю трубку. И...

– Мы пришли! – возле стола появилась Бри и за ней Тоби с мрачным выражением лица.

Том вздохнул:

– Я, кажется, снова лишился своего места.

– Боюсь, что так, – лучезарно ответила Палмер, и Том выбрался из кабинки и пошел искать стул.

– Привет, – поздоровалась Бри, забираясь в кабинку рядом со мной. – Простите, что так поздно. Тоби пришлось в буквальном смысле вытаскивать из кровати.

Я посмотрела на Тоби, которая тяжело привалилась к Палмер, и выглядела так, словно через пару секунд заснет.

– Эй, Тобс, – окликнула я.

– Чертовски рано, – простонала она, потирая глаза. – Почему ни у кого за этим столом нет кофе?

– Мы закажем тебе кофе, – быстро сказала Бри, уже оглядываясь в поисках официантки. – Ты прямо как ребенок.

– Детям не нужен кофе, – возразила Тоби, утыкаясь лбом в руку Палмер, которая рассеянно погладила ее по голове. – Потому что им дают поспать.

– Тебе все равно надо было вставать, – твердо сказала Бри. – Через час на работу, и я не собираюсь брать на себя ответственность, если ты там случайно заснешь и врежешься в Моне.

Я нахмурилась:

– Что-что?

– А вот и я, – Карли снова появилась у стола с моим заказом и колой, не придав значения тому, что за столом сидят два новых человека, а один из прежних гостей куда-то исчез. – Принести тебе что-нибудь, Веснушки?

– Кофе, – ответила Тоби, садясь чуть прямее. – И, может, еще вафли? – и вопросительно посмотрела на Бри.

Тоби почти никогда ничего не заказывала только для себя, а всегда предлагала разделить заказ с кем-нибудь, обычно с Бри, и часто спрашивала, не хотим ли мы взять что-нибудь «на всех».

– Да, вафли – это хорошая идея, – согласилась Бри. – И мне черный чай.

– Минутку, – сказала Карли и снова исчезла.

Я посмотрела на тарелку – бекон был почти черным, что меня несказанно обрадовало, – и поняла, что очень хочу есть. Только я подцепила на вилку немного яичницы, как появился Том, таща за собой стул с таким видом, словно последние силы оставили его.

– Простите, – сказал он. Его лицо покраснело в цвет свитера. – Я вернулся.

Бри недоуменно посмотрела на парня и указала на его одежду:

– Что вообще происходит?

– Это Дэвид, – ответила я, вгрызаясь в бекон, – и он хочет ветчину в подарок на Рождество.

– Праздник не праздник... – начал было Том, но Палмер его перебила.

– У Тома сегодня прослушивание, – сообщила она вновь прибывшим, а затем опять повернулась ко мне: – Энди собиралась рассказать нам о чем-то важном.

– Эй, подождите, зачем вообще хотеть ветчину на Рождество? – вклинилась Тоби, чей голос теперь звучал гораздо бодрее. – Это же очень странно.

– Именно! – воскликнул Том, наклоняясь в ее сторону. – Как раз об этом я и думал.

– Энди! – очень громко перебила Палмер, и все повернулись ко мне.

Я положила вилку, сделала глоток колы и поведала им обо всем, что произошло сегодня утром. Когда я закончила, яичница выглядела абсолютно остывшей, а подругам уже подали вафли.

– Не понимаю, как они вообще смогли это сделать, – проговорила Палмер, наклоняясь ко мне через стол. – Разве они имели право аннулировать твоё участие по такой причине?

– Судя по всему, да, – ответила я и почувствовала, как сердце снова учащенно забилось. – Все планы на лето рухнули.

Внезапно в памяти всплыли слова Тофера. Месяц назад, когда он только начал поиски подходящего места для стажировки, хороших предложений уже не было. И это означало только одно – мои дела очень плохи.

– Этот доктор Риццоли – просто мерзавец, – сказала Тоби.

– Абсолютный, – поддержала Бри.

– То есть, – пробурчала Тоби, поддевая на вилку кусочек вафли, – он тебя даже не предупредил?!

– Не слишком вежливо с его стороны, – добавил Том со своего конца стола. – Кстати, ты собираешься доедать бекон?

Я подвинула тарелку в его сторону, размышляя о том, действительно ли он проголодался или просто пытается еще больше вжиться в роль любителя свинины.

– Подожди, но ведь это означает, что летом ты останешься здесь! – радостно вскрикнула Тоби. – Это же здорово!

Я сурово посмотрела на нее, и она поспешила исправиться:

– Ну, конечно не для тебя, а для нас.

– Ничего хорошего! – ответила я громче, чем собиралась, так что семья, занявшая нашу любимую кабинку, оглянулась на меня. – Все полетело к чертям. Сейчас я уже не найду ничего приличного, так что в моем резюме будет пробел. А лето – самое важное время, чтобы найти престижную стажировку!

Я прямо почувствовала, как стучит мое сердце, словно оттого, что я проговорила это вслух, произошедшее стало более реальным.

– У нее истерика, – прошептала Тоби.

– Я вижу, – тоже шепотом ответила Бри.

– Энди, – сказала Палмер, толкая под столом мою ногу, пока я не подняла на нее глаза, – расскажи лучше про того симпатичного парня с собакой.

– Это неважно! – взвилась я.

– Как он выглядел? – не отставала она, подаваясь вперед и снова толкая меня ногой.

– Не знаю, – буркнула я. Мне не хотелось вспоминать парня с собакой – у меня было много проблем, о которых стоило подумать в первую очередь. Похоже, Палмер пристала ко мне просто для того, чтобы отвлечь и заставить успокоиться, но, когда она особенно сильно пихнула меня, мне пришлось ответить – иначе бы она не отстала. – Ладно. Темные волосы. В очках. На футболке что-то про дроидов...

Услышав это, Бри и Том подняли глаза:

– «Звездные войны»? – заинтересованно спросила Бри.

– Он мне уже нравится, – решительно произнес Том.

– Давайте-ка сосредоточимся, – громко сказала Тоби. – Если Энди не уезжает, в кои-то веки мы все остаемся на лето в городе.

Я поглядела на друзей и поняла, что она права. В прошлом году Бри на месяц уезжала к родственникам в Индию, и страшно паниковала, что у нее начнется амнезия из-за побочного эффекта противомаларийных препаратов. Хотя мы тоже подлили масла в огонь: придумывали разные события, которые на самом деле не происходили, и притворялись, что она тоже должна

о них помнить, а потом нарочито выражали беспокойство, когда Бри ожидаемо удивлялась. Стоит ли упоминать, что никаких сувениров подруга нам не привезла.

В позапрошлом Палмер в первой половине лета участвовала в социальной программе – строила дома для пострадавших от урагана в Новом Орлеане – и вернулась с местным акцентом, от которого не могла избавиться аж до ноября.

– Ты же понимаешь, что это означает? – спросила Палмер, многозначительно поднимая брови.

Я ненадолго задумалась, но потом расправила плечи, впервые за сегодня почувствовав, что в жизни есть что-то хорошее:

– «Охота за сокровищами»?

– Именно! – Палмер ударила ладонью по столу так, что зазвенела посуда.

Последние пять лет в августе Палмер, желая немного встряхнуться, организовывала игру «Охота за сокровищами». Это была старая традиция семьи Олден, и, как только мы все сдружились, Палмер создала свою собственную команду. В прошлом году я игру пропустила, лежа в постели с кишечным гриппом; друзья присылали мне фотографии, чтобы я могла хотя бы посмотреть, как им весело. А в позапрошлом отстала от победителя всего на одно очко, и до сих пор не могла успокоиться.

– Ты имеешь в виду мою величайшую победу? – с ухмылкой спросил Том. – На сколько очков я вырвался вперед?

– На девятнадцать, – хором ответили Тоби и Бри.

– Я уже начала составлять список на этот год, – сказала Палмер, обращаясь в первую очередь ко мне. – Будет круто.

– Ладно, – кивнула я, понимая, что это не станет полноценной заменой медицинской программе, но, по крайней мере, обещает быть весело. – А когда?

В своем проигрыше я винила неправильный подход, потому что потратила слишком много времени, пытаясь добраться до «дорогих» предметов, которые сразу приносили много очков, вместо того чтобы просто набрать больше легкодоступных «дешевых». Интересно, сохранился ли у меня где-нибудь тот список? Мне не терпелось начать разрабатывать стратегию.

– Пока непонятно, думаю, в августе, – сказала Палмер, улыбаясь Тому через стол. – Надо будет учесть расписание спектаклей.

– Да, точно, – кивнула я, и мое сердце снова упало. – Пьеса.

Я посмотрела вокруг и поняла, что подруги уже давно построили планы на лето... Бри, увлекавшаяся кино, устроилась на работу в кинотеатр. Тоби на волонтерской основе вела экскурсии в местном художественном музее Пирса (так вот к чему эта шутка про Моне). Том играл в любительском театре, а Палмер была там помощником режиссера.

– Так, значит, у всех, кроме меня, есть план, – подытожила я.

Впервые за всю жизнь я оказалась в таком положении и без малейших идей, как его исправить.

– Ты что-нибудь найдешь, – уверенно сказала Палмер, отхлебнув колы. – В конце концов все будет хорошо.

Это была классическая Палмер, всегда оптимистично настроенная. Казалось, она вообще не умела не думать о хорошем. У них в семье все были такие: не закликаясь на проблеме, они придумывали, как ее решить, делали парочку бутербродов и продолжали двигаться вперед.

– Так, ладно, – сказала я, садясь прямо. Возможно, мне стоит этому у нее поучиться. – Мне следует что-то придумать.

Нужен план, и неважно, хороший он будет или плохой, главное, чтобы конкретный.

– Надо что-то делать. Я же не могу болтаться без работы все лето.

– Если что, нам всегда нужны монтажники для сцены, – вклинился Том. – Это, конечно, бесплатно, и неплохо бы иметь соответствующий опыт, но я могу замолвить за тебя словечко.

– И все хорошие стажерские вакансии уже разобрали, – продолжала я, не позволяя себе отвлекаться. – То же касается волонтерских позиций и летних учебных программ.

– А мы здесь еще нужны? – шепотом спросила Тоби у Бри.

– Значит, мне необходимо что-то другое, – продолжала я. Мне очень не хватало ручки под рукой, чтобы начать мозговой штурм. – То, что само по себе может не выглядеть так уж престижно, но что при необходимости можно преподнести в лучшем свете...

– Нет, пожалуй, мы не нужны, – ответила Бри.

– А я тебе говорила, – Тоби покачала головой.

– Мне нужно... – я оглядела закусочную, словно надеясь найти в ней ответ, и с удивлением поняла, что это действительно возможно. У входа висела доска объявлений, на которую я особо никогда не обращала внимания. Она покрыта визитками, фотографиями пропавших животных и... буклетами «Нужна помощь».

– Бри, – сказала я, аккуратно подталкивая ее, – мне нужно выйти.

– Зачем? – спросила она, отклоняясь, чтобы я могла проскользнуть мимо.

– Можно я доем бекон? – крикнул мне вслед Том, когда я в буквальном смысле рванула к доске объявлений и принялась ее изучать.

Ничего многообещающего здесь не было, но некоторые объявления открывали определенные возможности. Я вытащила телефон и принялась фотографировать флаеры. «Ищем учителя на лето – требуется профессиональное знание французского». «ТРЕБУЕТСЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ПОМОЩЬ, ЗА \$\$». «Нужна помощь няни, 30 часов в неделю». Ничего из этого меня особенно не привлекало, и французский я бросила учить в восьмом классе, но это было уже что-то... Я собиралась убрать телефон, как вдруг мой взгляд зацепился за объявление в самом углу. «НУЖНА РАБОТА НА ЛЕТО? – гласил крупный заголовок. Я присмотрелась. – Достойная оплата! Гибкий график! Опыт работы, который будет выигрышно смотреться в любом резюме! СКОРЕЕ! Звоните или пишите!» Внизу указан адрес электронной почты и номер телефона.

Я прочитала объявление еще раз: может, я пропустила то место, где упоминались должностные обязанности? Но объяснений не было, и меня это несколько насторожило, напомнило тот случай, когда сестра Палмер, Меган, вернувшись из университета на рождественские каникулы, нашла себе, как она думала, работу по продаже ножей, а оказалось, что это часть довольно сложной финансовой пирамиды.

– Ну как, нашла что-нибудь? – спросила Бри.

Я повернула голову, и оказалось, что она перегнулась через мое плечо и тоже смотрит на доску. Я кивнула и показала на странное объявление в углу.

Бри прочитала его и нахмурилась:

– А что надо делать?

– Не знаю, – ответила я, достала телефон и сфотографировала и его тоже. – Но есть только один способ узнать.

Глава 4

– Мне это не нравится, – сказала Тоби по телефону, когда я припарковалась перед кофейней Фласка и заглушила мотор.

– И мне, – поддержала Бри.

Два дня спустя я разговаривала с подругами по конференц-связи. Поскольку Палмер была помощником режиссера, ей приходилось делать вид, что она внимательно следит за постановкой, поэтому она вставила в ухо один наушник, спрятав его под волосами, и иногда говорила «угу».

– Угу, – каким-то образом Палмер умудрилась вложить глубокое разочарование в эти два слога.

– Девчонки, – сказала я, глядя сквозь ветровое стекло на кофейню, – ничего другого не остается. Это лучший вариант.

– По-моему, фильмы о похищениях именно так и начинаются, – предупредила Тоби. – В них всегда есть подобная сцена: девушка идет на встречу с человеком, задумавшим ее похитить, а все ее друзья ее отговаривают, но она их не слушает.

– Ну, иначе и кино бы не было, – резонно отметила Бри, но добавила: – Впрочем, Тоби права.

– Почему это «впрочем»? – возмутилась Тоби.

– Мне не нравится, что ты не знаешь, что это за работа, – сказала Бри.

– Угу, – согласилась Палмер.

Я вздохнула, оправив на себе платье. Мне тоже все это нравилось, но другого выхода я не нашла. За два дня, прошедших с того момента, как я узнала, что не еду на программу молодых ученых, я перепробовала абсолютно все. В школьном офисе по трудоустройству меня в буквальном смысле высмеяли, когда я сказала, что ищу что-нибудь на *это* лето. Работу по объявлениям из закусочной найти тоже не удалось: родители подростка, которому подыскивали репетитора по французскому, быстро поняли, что мой уровень владения языком недостаточно высок. Я уверенно пользовалась компьютером, но не умела программировать или работать в нескольких операционных системах. А вакансия няни уже была занята, когда я позвонила, хотя это меня не расстроило, потому что признаться в любви к маленьким детям я точно не могла. В конце концов я позвонила по тому непонятному объявлению. Девушка, которая взяла трубку, – ее звали Майя, – очень обрадовалась и согласилась встретиться в любом удобном для меня месте. После того как мы договорились о встрече в кофейне Фласка – моей любимой, где я обычно покупаю свой холодный латте, – и уточнили время, она попрощалась и положила трубку – раньше, чем я успела задать вопрос, а в чем же, собственно, состоит работа.

– Так, погодите, – перебила я, на секунду отрывая телефон от уха, чтобы посмотреть на время. – Мы встречаемся в кофейне. Я позвоню, как только встреча закончится. Все будет нормально.

– Угу, – сказала Палмер.

– Ну не знаю, – вздохнула Тоби.

– Ты разве не на работе? – спросила я. – Откуда у тебя столько времени, чтобы читать мне нотации?

– Просто стараюсь быть заботливой подругой! – ответила она, повышая голос. – И... – дальше была пауза, а потом Тоби заговорила гораздо тише: – На самом деле мне и правда пора идти. Позвони, когда все закончится. Надеюсь, тебя не похитят.

– Мне тоже пора, – прошептала Палмер. – Звони.

– Бри, – обратилась я к третьей подруге, когда две другие отключились.

– Я здесь.

– Ну хоть ты не думаешь, что есть повод переживать?

– Нет, – беззаботно сказала Бри. – Вешать флаер в закулочной – это очень неэффективный метод, если собираешься кого-нибудь похитить.

– Спасибо. Я тебе потом позвоню.

Она попрощалась, и я нажала отбой, глубоко вздохнула и аккуратно выбралась из машины. На мне были одно из моих лучших платьев – синее, с облегающим лифом и расклешенной юбкой – и туфли на каблучках. Я была умеренно и со вкусом накрашена. Кроме того, распечатала свое резюме на плотной бумаге и несла его в папке, чтобы оно случайно не помялось по пути.

Я вошла внутрь и огляделась. Кафе было полупустым, в основном здесь сидели люди с ноутбуками и компании мам с прогулочными колясками. Девушка лет двадцати пяти, на которую я сначала не обратила внимания, широко мне улыбнулась и помахала.

– Энди?

Я кивнула и стала пробираться к столику.

– Привет, – сказала я и протянула руку, испытав разочарование, когда девушка встала, чтобы ее пожать.

Кончики светлых волос были выкрашены в розовый, одета она была совершенно обычно: джинсовые шорты, топ с бретельками, кроссовки. Было только начало лета, но девушка уже загорела; из-под бретелек ее топа выглядывали татуировки, расплывшиеся причудливыми узорами по телу.

– Я Майя, – сказала она с улыбкой, открывшей неровные зубы.

Похоже, Майю абсолютно не смущало, что по сравнению с ней, на мне было слишком много одежды. Девушка присела, я устроилась напротив нее, стараясь не выдать своего разочарования, пока доставала из папки и передавала ей резюме.

Она просмотрела его, потягивая напиток из стакана – со взбитыми сливками и посыпкой сверху, скорее всего, молочный коктейль. Пока Майя читала резюме, я достала телефон и отправила сообщение подругам. В обычной ситуации я ни за что не стала бы этого делать на серьезном собеседовании, но мне было очевидно, что эта встреча не имеет с ним ничего общего.

Я

Все в порядке. Можете не беспокоиться.

– Впечатляет! – сказала Майя, проглядывая мое резюме, и я бросила телефон обратно в сумку. Она посмотрела на меня, ее улыбка исчезла, и она снова посмотрела в резюме: – Уокер... – пробормотала она так, словно пыталась что-то припомнить. – Мне кажется...

– Мой отец – конгрессмен, – сказала я не задумываясь. – Может быть, вы где-то... – Но тут я поняла, что она вовсе не обрадовалась, увидев в резюме знакомую фамилию. Скорее всего, ей было известно о скандале, связанном с моим отцом, из СМИ. – То есть... – пробормотала я, не понимая, как лучше поступить, – я...

– Неважно, – произнесла Майя и улыбнулась: было понятно, что она все-таки видела моего отца по телевизору, но не собирается сейчас это обсуждать. – У вас богатый опыт, как я вижу. Честно говоря, я удивлена, что вы ищете место.

– Да, – сказала я, затем запнулась. – Планы на лето сорвались в последний момент. Так что я оказалась за бортом.

Сказав это, я сразу же поморщилась. Я пока не знала, в чем будет заключаться работа, и тем более захочу ли я ею заниматься, но ни в коем случае нельзя показывать работодателю, что готов на все, – в этом я была уверена.

– О, отлично вас понимаю, – сказала Майя, совершенно не обратив внимания на то, что я только что нарушила одно из главных правил собеседований. – Я развесила эти флаеры, так как одна из моих лучших сотрудниц уволилась по причине переезда в Сиэтл. – Она сделала большой глоток, а затем потрясла головой. – Хотя я думаю, что она вернется. Вы бы знали, как там дождливо.

– Ну так что насчет работы? – спросила я, пытаюсь вернуть нас обоих к тому, ради чего мы здесь сидим – уж точно не затем, чтобы обсуждать погоду на северо-западном побережье Тихого океана.

– Конечно! – выпрямившись, Майя продолжала. – Я руковожу компанией, предоставляющей услуги по выгулу собак и уходу за домашними животными. Я основала ее два года назад. Почти все я делаю сама, мне помогают мой жених и один сотрудник. Время от времени, при необходимости, мы привлекаем еще людей.

– Вот как? – кивнула я, и мое настроение испортилось окончательно. Мало того, что у меня не было никакого опыта общения с животными, вдобавок я не могла представить ни одного университета, который бы впечатлило то, что я целое лето выгуливала собак.

– Это тяжелая работа, – сказала Майя серьезным голосом, – и большая ответственность. Люди доверяют нам своих домашних животных – практически членов семьи. У вас есть подобный опыт?

– Да. На прошлой неделе я... проводила время с собакой. – Черт побери, что происходит! Мне не нужна эта работа, но почему-то я все равно пытаюсь ее впечатлить! – Но...

– Если вам нравятся животные и вы умеете с ними ладить, всему остальному можно научиться, – сказала Майя, одарив меня очередной широкой улыбкой. – В принципе, как и в любом другом деле. – Она взглянула на часы, а затем снова на меня. – Мне сейчас нужно пойти и забрать нескольких собак на прогулку. Пойдете со мной? Заодно посмотрите, насколько вам это подходит.

Я колебалась. Мне это совсем не подходит. Подобное занятие я считала даже хуже работы баристой во Фласке: весь день проводить на открытом воздухе, без кондиционера, и, судя по всему, взаимодействуя с большим количеством отходов – как в прямом, так и в переносном смысле. А когда лето закончится, мне даже нечем будет похвастаться. Да и на мне были платье и туфли на каблучках – не самая подходящая экипировка для подобных прогулок.

– Или у вас другие планы? – спросила Майя, приподняв бровь.

Заданный вопрос решил исход дела: у меня не было никаких планов, меня нигде не ждали и мои летние каникулы были совершенно пустыми. Даже несмотря на то, что я не хотела заниматься выгулом собак, какая-то часть меня из принципа хотела получить эту работу. Поэтому я выпрямилась, посмотрела ей прямо в глаза и произнесла:

– Я абсолютно свободна. Пойдемте.

– Ну вот! – весело сказала Майя, припарковав свой внедорожник, и улыбнулась: – Готовы?

– Хм, – с натугой ответила я.

У меня на коленях сидел довольно большой мохнатый пес. Как только мы его забрали, он вскарабкался на переднее сиденье и так и просидел дрожа всю поездку, пока я изо всех сил пыталась за ним что-нибудь рассмотреть. Он, наверное, весил килограммов тридцать пять. Сначала Майя попыталась пересадить его назад, говоря извиняющимся тоном: «Понимаете, Джаспер боится машин – не правда ли, малыш?». Джаспер заскулил, и я неуверенно погладила его по лохматой спине, почувствовав, как он весь дрожит под моими ладонями.

Ноги затекли под его весом, но я не придавала этому значения: сзади сидели еще три собаки. Чтобы их собрать, нам пришлось объехать весь Стенвич, и всю дорогу Майя отпускала шутливые комментарии.

– У каждого ключа свой цвет, – сказала она, поднимая повыше огромную связку. – Кроме того, мы ведем записи обо всех собаках: их привычках, и о том, на что обращать внимание. Иногда мы берем их на более длительные прогулки или едем на собачий пляж, но не сегодня, так что не беспокойтесь.

– Угу, – максимально сосредоточенно ответила я.

Меня беспокоило, что на заднем сиденье расположились три собаки и все они пялятся на меня. Интересно, что Майя сделает, если одна из них, к примеру, взбесится или бросится на нас? Разве это не мешает нормально вести машину?

– Вы обычно в одиночку их забираете? Вы одна с четырьмя собаками в машине?

– Нет, конечно, – сказала она беззаботно, и мне полегчало. – Обычно их пять-шесть.

– Что? – переспросила я, когда она заглушила мотор и выпрыгнула из машины.

Джаспер, похоже, понял, что пора перестать бояться, и перебрался через меня на заднее сиденье. Я посмотрела на свои колени и увидела, что вся покрыта собачьей шерстью и чем-то, подозрительно напоминающим слюну. Я покачала головой, затем выбралась и принялась отчищать платье.

– Некоторых собак мы выгуливаем поодиночке, – сказала Майя, – тех, которые не очень ладят с другими. Иногда просто из-за расписания так получается. Но мы с Дейвом – это мой жених – считаем, что собаки – социальные животные. Им лучше всего, когда они с друзьями. Точно так же, как и людям.

– Хорошо, – сказала я, хотя на самом деле думала совершенно иначе.

Гулять даже с одной собакой довольно сложно, но сразу с *шестью*! Я огляделась и поняла, где нахожусь, – раньше обзор мне загораживал Джаспер – всего в паре улиц от дома доктора Риццоли. Я пошла за Майей, на другую сторону от машины, неустойчиво балансируя на каблуках.

– Вот, держите, – Майя протянула мне целый пучок поводков. – Обычно я их снимаю на время поездки, потому что, если они запутаются, собака может задохнуться. К тому же они в возбуждении толкаются у двери, зная, что идут гулять, так что надо соблюдать осторожность и убедиться, что собаки не разбегутся, как только откроешь дверцу.

Я кивнула, но, только взяв поводки, осознала, что дело зашло слишком далеко. Мое стремление к превосходству, конечно, сыграло свою роль, но сейчас это становилось просто смешно. Интересно, есть ли какой-нибудь способ отделаться от Майи и не показаться невежливой? Я принялась распутывать поводки, одновременно размышляя о путях отхода. Через пару секунд я поняла, что нет никакой возможности убедить Майю сесть обратно в машину и отвезти меня назад в кофейню: это совершенно сбило бы с толку собак. Нужно просто пройти через это испытание, а потом больше никогда не возвращаться и не говорить ни одной живой душе о том, что я вырядилась в платье ради вакансии няньки домашних животных. У меня было чувство, что, если об этом узнает Тоби, она будет издеваться надо мной до окончания времен.

Майя открыла дверцу, и немедленно началась чехарда: собаки громко залаяли, пытаюсь выскочить раньше других. Я подала ей поводки, которые она защелкнула на ошейниках, и мы оказались на обочине дороги с четырьмя собаками, которые тянули нас в четырех разных направлениях. В итоге мне достался Джаспер, самый огромный из всех. А у Майи остались мопс, какая-то лохматая дворняга и пес, похожий на маленькую колли.

– Ты с ним справишься? – спросила Майя и переложила все три поводка в одну руку. – Джаспер все время запутывает поводки других собак, так что лучше, если он гуляет один.

– Конечно, – с некоторым сомнением ответила я и дважды обмотала поводок вокруг запястья. Я была уверена, что уже выгуливала собак раньше. Ну серьезно, не может же такого быть, чтобы нет? Я мучительно пыталась припомнить, гуляла ли когда-нибудь с собакой Натана, и

тут Майя двинулась вперед, и Джаспер, явно опасаясь остаться в одиночестве, припустил за ней. Я побежала за ним вдогонку – ноги в туфлях на каблуках тут же взмолились о пощаде.

– Отличный денек, правда? – спросила Майя, глядя на меня через плечо, когда я поравнялась с Джаспером.

– Угу, – пробормотала я, почти не слушая, так как пыталась лучше ухватить поводок, но потянула слишком сильно, и голова Джаспера дернулась назад. Я испугалась, что он разозлится или опять побежит, но он, похоже, не обратил внимания и просто принялся снова обнюхивать землю. Я понятия не имела, что будет, если все эти собаки начнут драться или что-нибудь еще, но пока они вели себя хорошо и просто мирно бежали в рядочек. Если кто-нибудь из них хотел обнюхать дерево или камень, остальные либо присоединялись, либо садились и ждали. Джаспер, несмотря на свои размеры, оказался довольно послушным и сразу реагировал, если я натягивала поводок.

– Вот о чем я подумала, – сказала Майя, глядя на меня с непринужденной улыбкой, в то время как я лишь бросила на нее взгляд и снова сосредоточилась на Джаспере. Я не могла понять, как ей это удастся: неужели собаки не забирают все ее внимание? В конце концов, у девушки их целых три. – Мы сейчас сделаем круг, а потом пойдем на лужайку – там не то чтобы парк, но собакам нравится это место.

– Вообще-то... – начала я, собираясь сказать ей, что, возможно, стоит закончить с этим поскорее, поскольку эта работа мне не подходит, но тут все собаки хором залаяли. Я огляделась, пытаюсь понять, что случилось: может, они увидели белку или еще кого-то? – и заметила, что к нам приближаются двое: собака и ее хозяин.

– А вот и твой первый урок! – жизнерадостно сказала Майя, хотя на этот раз, я была уверена, что в ее голосе слышалось некоторое напряжение. – Когда собаки вот так вот собраны вместе, они как бы формируют коллективный разум, и другая собака может испугаться. Но на самом деле все они хотят подружиться, просто не всегда понимают, как это лучше сделать.

– Ясно, – кивнула я, натягивая поводок Джаспера, обмотанный вокруг запястья. Сердце застучало, лай собак становился все громче – другая собака приближалась. Я щурилась от солнца, которое светило в спины наших «гостей», из-за чего их было плохо видно. А когда через пару секунд я смогла их разглядеть, то поняла, что знаю обоих. Это были тот самый парень и его сбежавший пес, Берти.

Похоже, парень тоже меня узнал, потому что поднял в приветствии руку, в которой держал поводок. Берти не преминул воспользоваться ситуацией и рванул прямо к нам, пока его хозяин тщетно пытался ухватить выскользнувший поводок.

– Так, – сказала Майя, перекивая лай собак: все они заходились, натягивая поводки, – я его поймаю, а ты...

Больше она ничего не успела сказать, потому что Берти подбежал прямо ко мне, заливаясь лаем и энергично виляя хвостом. Он пытался на меня запрыгнуть, и можно было попытаться схватить поводок, но Джаспер, похоже, воспринял это как угрозу, потому что лай его вдруг зазвучал угрожающе. В паузах раздавался низкий гортанный рык, и другие собаки, почувствовав это, тоже агрессивно залаяли.

– Все в порядке, – сказала я, пытаюсь встать между двумя псами, хотя понимала: это совсем не то место, где было безопасно находиться. – Просто...

– Энди, – сказала Майя, и на этот раз в ее голосе послышалось напряжение, – сохраняй спокойствие, и...

Все остальные слова поглотил новый приступ лая – Майя пыталась подойти ко мне и при этом удержать всех собак, которые рвались с поводков, стремясь оказаться поближе к центру событий.

Парень наконец смог догнать своего пса, и тут все завертелось. Берти снова прыгнул на меня, в тот самый момент, когда хозяин схватил поводок и попытался оттащить его; Джаспер

хотел броситься за ним, но я потянула изо всей силы, его отбросило назад, и он издал сдавленный хрип, так что мне даже стало его жалко. Сама же я все это время пыталась сохранять равновесие на неуместных каблуках.

Мне удалось, и я каким-то чудом устояла на ногах, чему была несказанно рада. Парню повезло меньше: он лежал на земле, пытаясь подняться, а Берти бегал вокруг, обвивая поводком его ноги, что только усугубляло незавидное положение. Все собаки опять лаяли как сумасшедшие, но я заметила, что это снова был просто дружелюбный, возбужденный лай без оттенка агрессии.

– Эй! – закричала Майя, а затем пронзительно свистнула в два пальца. Все собаки немедленно замолчали, и я удивилась воцарившейся тишине, словно уже и забыла, каково это – существовать в отсутствие такого «музыкального» сопровождения. – Сидеть, – строгоскомандовала девушка, и трое безоговорочно сели. Она сурово посмотрела на Джаспера, и он тоже сел. Майя перевела взгляд на чужую собаку, которая смотрела на нее в ответ и виляла хвостом. – Сидеть, – сказала она, но собака, наоборот, подпрыгнула, выполняя команду с точностью до наоборот.

– Извините, пожалуйста, – послышался голос парня.

Он наконец встал, слегка морщась, поправил очки и посмотрел на меня, и кончики его ушей снова стали ярко-красными. Но выглядел таким же милым, как и в прошлый раз, и я была рада, что в этот раз в неловкой ситуации оказался он, а не я. Впрочем, это не отменяло того, что я выгуливаю собак, одетая в платье и туфли на каблуках, что – уверена – выглядело более чем странно.

– Привет, – сказала я. – Приятно...

Но я оборвала фразу на полуслове, и он покраснел и смущенно улынулся. Я поняла, что слишком откровенно на него тарашусь, и отвела взгляд. Иметь такие милые ямочки на щеках стоило бы запретить законодательно.

– Вы что, знакомы? – поинтересовалась Майя, широко улыбаясь.

– Нет, – ответила я.

– Да, – кивнул он одновременно со мной.

Повисла неловкая пауза, и я уже собиралась ее прервать и все объяснить: в конце концов, это не займет много времени, и мы сможем продолжить просто выгуливать собак, – но тут парень заговорил:

– Мы, то есть... пару дней назад Берти убежал, и его спасла... – он многозначительно умолк, и я поняла, что он ждет, пока я скажу свое имя.

– Энди, – вставила я и покачала головой, увидев, что Майя впечатлена. – Ничего страшного там не было.

– Вообще-то было, – с жаром возразил парень, обращаясь, впрочем, больше к асфальту под ногами, чем к нам. – У меня были бы большие проблемы, если бы с ним что-нибудь случилось.

– Значит, Берти, вот как? – Майя наклонилась и почесала его за ухом. – Приятно познакомиться, дружище.

– А я Кларк, – сказал парень.

Я посмотрела на него, пытаясь вспомнить, встречала ли раньше кого-то с таким именем. Оно рождало множество ассоциаций, вызывая картинки с темноволосыми репортерами, ведущими двойную жизнь, и симпатичными кинозвездами на черно-белых снимках. *Кларк*. Я решила, что имя ему подходит, и только потом поняла, что так думать довольно смешно, потому что я его совсем не знаю.

– Ты вроде бы сказала, что не живешь в этом районе, – сказал он с волнением.

– Так и есть, – подтвердила я, глядя на Джаспера и пытаясь мысленно внушить ему, что сейчас самое время встать и снова куда-нибудь пойти, но он зевнул и почесал у себя за ухом

задней лапой. – Дело в том, что... – я набрала в грудь воздуха, собираясь ему все объяснить, но тут поняла, что не знаю, что сказать. Не говорить же, что я на собеседовании по поводу работы, которая мне даже не нужна?

Когда пауза начала превращаться в неловкую, вмешалась Майя:

– Мы выгуливаем этих ребят.

– Значит, вы... ну в смысле, вы занимаетесь выгулом собак? – спросил Кларк, сложив руки на груди, а потом снова убрал их. – Или они все ваши?

На этот раз на нем была другая футболка, но тоже со слоганом. Там было нарисовано нечто вроде английской телефонной будки, только синей, на которой была табличка: «Доктор на месте». Для меня это имело примерно столько же смысла, сколько и предыдущая надпись, однако я подозревала, что Бри и Том поняли бы.

– Первое предположение верно, – сказала Майя, и я была порядком удивлена: не ожидала от нее такого официального тона: он плохо сочетался с неформальным образом. – «Присмотр за животными Дейва и Майи». Я Майя.

– Ух ты, – сказал Кларк и снова принялся возиться с поводком – Берти взбрело в голову вдруг побежать за мопсом.

– Попробуй сделать петлю, – сказала Майя, поднимая свое запястье для демонстрации. – Так ты сможешь крепче держать поводок.

– Спасибо, – ответил парень, последовав ее совету и затем поправив очки. – У меня не так уж много опыта... в обращении с собаками.

Джаспер внезапно вскочил, глядя куда-то через дорогу. Я ничего особенного не заметила, поэтому решила, что ему что-то привиделось. Впрочем, взяла поводок покрепче – просто на всякий случай.

– Нам пора идти, – сказала Майя, улыбаясь, и произвела звук, изображавший нечто среднее между цоканьем и чмоканием. Все три ее собаки сразу вскочили. – До новых встреч, – весело сказала она и направилась вместе с собаками дальше по улице.

Кларк посмотрел на меня, и я на секунду взглянула в его глаза, и сразу отвернулась. В обычных обстоятельствах я бы, пожалуй, с ним пофлиртовала или, по крайней мере, общалась бы законченными фразами, как нормальный человек. Правда, в обычных обстоятельствах я бы не выгуливала собак в нарядном платье и не болталась без дела, не имея ни малейшего понятия, чем буду заниматься все лето. Я знала, что, пока не разберусь с этим, мне будет не до флирта со случайными собаководами, каким бы симпатичными они ни были.

Так что я просто ему кивнула, подергала поводок Джаспера, мы повернулись и пошли прочь. И хотя я прямо-таки спиной чувствовала его взгляд, но не позволила себе обернуться и даже посмотреть в сторону Кларка.

– Выгул собак? – удивленно спросила Тоби. – Ну, в смысле, настоящих собак?

– Да, настоящих, живых собак, – ответила я, оглядываясь по сторонам. Мы были во дворе музея, здесь все было в мраморе, росли пальмы и тихо журчал фонтан. – Я тоже удивилась.

Когда Майя спросила, согласна ли я на эту работу, я всего секунду поколебалась, прежде чем сказать «да». Когда мы распрощались с Кларком и Берти, то погуляли еще минут двадцать, и потом я наконец сдалась, сняла туфли, взяла их в руки и пошла по тротуару босиком. Майя, не говоря ни слова, передала мне остальные поводки, и наконец, все четыре собаки оказались у меня в руках. Она по-прежнему оставалась веселой, подбадривала меня, хотя мне казалось, что полное отсутствие у меня опыта в обращении с собаками просто бросается в глаза.

Я поразились тому, как спокойно прошла оставшаяся часть прогулки, когда собаки сделали все необходимое и обнюхали каждое доступное дерево. Мы просто шли в тишине, а солнце грело мои плечи и руки. Я вдруг подумала, что была настолько сосредоточена на том, чтобы с собаками ничего не случилось, – а это было непросто, ведь то и дело мимо проезжали

машины, пробегали белки и встречались другие собаки, – что у меня попросту не осталось времени думать о собственных проблемах. И оказалось, что отдохнуть некоторое время от своих мыслей даже очень приятно.

Тоби, кажется, была рада видеть меня живой и невредимой. Когда она полностью убедилась, что я в порядке, то начала жаловаться, как ей скучно. День был довольно спокойный, и поскольку она еще не выучила текст экскурсии и не могла ее проводить, то просто бродила вокруг, осваиваясь и запоминая, где какие картины и скульптуры находятся.

– Ну так, – сказала Тоби, склонив голову и глядя на меня, – значит, это настоящий сервис по выгулу собак?

– Ха-ха, – рассмеялась я, разглядывая саму себя. Я переобулась в шлепанцы, но пока была в платье – это проще, чем ехать домой переодеваться. Кроме того, его все равно следует сдать в химчистку.

– Мне нравится, – сказала она и широким жестом указала на меня: – Энди Дог-Уокер, выгуливатель собак.

Ничего подобного не приходило мне в голову до этого момента, и я застонала:

– О нет! Звучит как в твоих романтических комедиях.

– Вот не надо про романтические комедии.

Я оглядела дворик музея, размышляя, как бы сменить тему, пока Тоби не начала в очередной раз в красках расписывать «Неспящих в Сиэтле».

– Не хочешь провести мне экскурсию?

Тоби ухмыльнулась и поправила синий пиджак. Я заметила, что на одном из лацканов вышита буква «П».

– С удовольствием, – сказала она самым мрачным и серьезным тоном, и я прикусила губу, чтобы сдержать смех. – Следуйте за мной, мисс.

Я пошла за ней через дворик внутрь здания музея, прогоняя волну нахлынувших воспоминаний. Я очень хорошо знала музей Пирса, так что и сама могла бы вести экскурсии. Моя мама была художницей и годами на волонтерской основе вела здесь кружок рисования для детей. Я много времени проводила в музее, слушая лекции по искусствоведению и введению в скульптуру или присутствуя на занятиях по созданию орнаментов по выходным.

Мне всегда казалось несправедливым, что я была напрочь лишена способностей к рисованию, а мама могла создавать целые миры всего лишь при помощи карандаша и листа бумаги или небольшого кусочка глины. Я наблюдала, как она превращает маленькие квадратики бумаги в журавлей, которые могут летать, а пластиковую упаковку с пузырьками – в бегемотов. Мама была волшебницей, которая знала, что в обыкновенной скрепке живет единорог и только и ждет, чтобы его выпустили на волю. В нашем старом сельском доме повсюду висели ее картины в рамках; к тому же она разрисовывала любые подходящие поверхности и постоянно делала сюжетные зарисовки во время телефонных разговоров: из-под ее карандаша выходили кролики, пьющие пиво в компании огнедышащего дракона, которое им разливал медведь гризли. По стенам моей комнаты гонялись друг за другом маленькие розовые мыши. А на одной из стен плясали абстрактные линии, которые превращались то в волны, то в город, то снова в волны, которые, в свою очередь, переходили в линии, а потом исчезали. Глядя на этот рисунок рядом с ее кроватью, я никогда не переставала думать: был ли он там с самого начала (просто я заметила его, только когда мама заболела) или она нарисовала его, узнав свой диагноз? И хотя она больше всего гордилась своими парадными картинами в рамках, думая о ее творчестве, я всегда в первую очередь вспоминала эти рисунки на стенах в нашем старом доме. То, что отец не сказал о переезде, – из лагеря меня сразу привезли в наш новый дом в Стенвиче – лишило меня возможности посмотреть на них в последний раз. Еще раз взглянуть на стыдливого медведя, выглядывавшего из-за угла в кабинете. Он был там всегда, и мне не приходило в голову изучить его более подробно: я не предполагала, что однажды к нему просто не вернусь.

Я не была в музее Пирса несколько лет, но его экспозиция практически не поменялась. Музей был небольшим – от центрального дворика расходились во все стороны всего пять галерей. Здесь хранилась коллекция Мэри Энн Пирс, собирательницы, которая, к крайнему негодованию своих наследников, пожертвовала всю собранную за долгие годы коллекцию городу Стенвичу вместе с внушительной суммой денег на строительство музея. Они с моей мамой дружили, и миссис Пирс умерла через год после нее. Помню ее на маминых похоронах: я тогда еще думала, что это мама должна была прийти на похороны миссис Пирс, а не наоборот.

В музее мне нравилась его эклектичность. Миссис Пирс попросту собирала те работы, которые ей нравились, так что это было довольно бессистемно. Здесь выставлялось много работ импрессионистов, некоторое количество средневековых гобеленов, современная скульптура и немного древнеримской. Но каким-то образом все это уживалось рядом.

– А здесь, – сказала Тоби, жестами указывая направление, и я поняла, что совершенно не слушала ее все это время, – находится галерея современного искусства...

– Продолжайте, – ответила я тем же серьезным тоном, и мы вошли в помещение последней галереи. Парень в таком же пиджаке опирался на стену, загоразывая описание работы Марка Ротко, и, увидев нас, резко выпрямился и вынул из уха белый наушник.

– Привет, – сказал он, бегло поглядев на меня и снова переводя взгляд на Тоби. – Как дела?

– Нормально, – пожала плечами подруга, даже не взглянув на него. – Все спокойно.

– Да уж, – ответил он немного громче, явно желая продолжить разговор, хотя Тоби уже прошла мимо.

– Он довольно симпатичный, – сказала я вполголоса, незаметно оглядываясь, чтобы убедиться в этом. У него, как и у Тоби, были светло-русые волосы и голубые глаза. При его высоком росте он хорошо бы смотрелся рядом с Тоби, даже если бы та надела каблучки.

– Грегори? – удивленно переспросила Тоби. – Ну да, наверное.

Я открыла рот, чтобы продолжить говорить об этом, но посмотрела на стену перед собой и остановилась как вкопанная.

Тоби прошла еще несколько шагов, прежде чем осознала, что я за ней не иду, подошла ко мне и встала рядом. Мы несколько минут молча смотрели на картину, пока я пыталась справиться с комом в горле.

Полотно занимало почти всю стену. Я смотрела на него, жадно ловя каждую деталь, словно никогда раньше его не видела, хотя в действительности это была самая знакомая мне картина, и не только в музее Пирса, но и вообще в мире. На ней было ночное поле: высокая трава, дикие цветы, а над головой – звездопад. В левом нижнем углу – двенадцатилетняя я лежала на спине с вытянутой вверх рукой и глядела в небо. Картина была невероятно реалистичной – это и сейчас бросалось в глаза. Можно было разглядеть порванный и завязанный в узел шнурок на желтом «конверсе» (моя любимая обувь в том году). Небольшую дырку на кармашке сарафана (он до сих пор висел в шкафу, хотя я выросла из него несколько лет назад). Неровную челку (которую я сама себе подрезала, разозлившись, что она лезет в глаза). Единственное, что было мне незнакомо, – это выражение лица: блаженное, улыбающееся чему-то за пределами рамы.

Поскольку большая часть картины была так детально проработана, сердце замирало всякий раз, когда я вела глазами по холсту направо, туда, где детали постепенно исчезали, уступая место карандашному наброску на белом холсте.

Наконец я посмотрела на подпись, висевшую на стене, и слотнула.

«Звезды падают на Александру. Молли Уокер. Не закончено».

Тоби обняла меня за плечи и сжала:

– Это очень хорошая картина, Энди, – тихо сказала она. – Твоя мама была бы рада, что она оказалась здесь.

Я кивнула, не найдя подходящих слов. Конечно, она была бы рада. Ее работа выставлена в одном помещении с картинами Ротко, Джексона Поллока, Джорджии О'Кифф! Миссис Пирс купила ее через два дня после похорон. Тогда я подумала: могло ли что-нибудь измениться, если бы она сделала это раньше? Может быть, это заставило бы маму продержаться подольше, закончить ее, если бы она знала, что работа окажется в музее...

Усилием воли я отвернулась, заставив себя больше не думать об этом. Прошло уже пять лет, и я давно перестала скорбеть. Не нужно снова ворошить прошлое. Но все равно я позволила себе немного опереться на Тоби, и она снова приобняла меня, и я почувствовала себя счастливой оттого, что подруга все понимает без слов.

Выйдя из музея, я пошла в библиотеку и села там на полу, разложив вокруг себя руководства по обращению с собаками: времени на подготовку было не так уж и много, поэтому надо углубиться в проблему максимально. Пусть меня ожидала не самая лучшая летняя подработка, это вовсе не означало, что ее не надо выполнять хорошо. Закончив изучать брошюры по собаководству, я направилась в отдел биографий.

Идя вдоль полок, я добралась до буквы «У» и остановилась перед автобиографией отца. Давненько меня тут не было, но сегодня, под впечатлением от увиденной картины, я оказалась в единственном месте, где есть ответы на самые неожиданные вопросы.

Конечно, в кабинете отца тоже была эта книга, впрочем, как и в его квартире в Вашингтоне. Но читать ее дома, сидя с тяжелым томом в твердой обложке на коленях, – означало, что я этим занимаюсь вполне осознанно. Поэтому я решила ознакомиться с ней здесь.

Книга была написана, когда мама была еще здорова, все шло хорошо, и публикация издания задумывалась к ближайшим выборам – но к выходу книги все изменилось.

Я листала страницы, ненадолго останавливаясь на фотографиях: отец в начальной школе, с гладко зачесанными волосами и без передних зубов; школьный выпускной; родители в молодости, обнимают друг друга, мама в футболке с надписью «С Канзасом тоже не связывайтесь!», ее длинные волосы в беспорядке – пока наконец не добралась до нужного места. Абзац, который я искала, был в самом низу страницы, и я прочла его от начала до конца, хотя знала наизусть.

Мы с моей дочерью Энди очень близки, и я горжусь этим. Я понял, что отношения не возникают сами по себе просто потому, что у вас родились дети. Над отношениями нужно работать, уделять им достаточно внимания, посвящать время тому, чтобы лучше узнать своих детей. Я люблю свою дочь, и для меня в мире нет ничего более важного, чем семья.

Я смотрела на эти слова, пытаюсь побороть подступающие слезы. Когда я впервые прочла их четыре года назад, то разозлилась, но теперь у меня было ощущение, что я попросту не понимаю их смысла, хотя они говорят обо мне. Эту книгу вполне можно поставить на полку с фантастикой: настолько она отражает нашу нынешнюю жизнь. Но я возвращалась сюда и снова и снова перечитывала этот фрагмент, словно антрополог в поисках потерянной цивилизации, когда-то существовавшей, но теперь лежащей в руинах и практически забытой.

Стоя в очереди за пожилым мужчиной, читавшим толстую книгу в мягкой обложке, я переминалась с ноги на ногу, а потом из любопытства решила взглянуть, что у него в руках. Он посмотрел на меня, и я отступила на шаг, смущенная тем, что настолько откровенно заглядывала незнакомцу через плечо. Он повернул книгу обложкой ко мне, и я увидела, что это фэнтези.

– Вы читали это произведение? – спросил он.

– Нет, – сразу ответила я, потому что уже забыла, когда в последний раз брала в руки книгу, разве что по школьной программе. Но из вежливости присмотрелась и прочитала круп-

ный шрифт на обложке – *«Извлечение двоих»*. Ниже помещалось изображение двух скрещенных мечей и корона над ними. А имя автора, *С. Б. Маккаллистер*, было еще крупнее, чем название.

– Точно нет, – ответила я вежливым тоном, не предполагавшим однако продолжение разговора.

Мужчина потряс головой и шумно вздохнул:

– И не начинайте, – сердито сказал он. – Этот автор даже серию закончить не может, заставляет нас, читателей, годами дожидаться продолжения.

– Вот как, – кивнув, я выдала свой фирменный, вежливый, но не располагающий к общению ответ.

А потом начала что-то припоминать. Кажется, я уже где-то видела это название, и вроде бы недавно в самолете мне попадалась экранизация этой книги, весьма неплохая, она имела продолжение, и, кажется, предполагался целый сериал, но автор якобы не закончил серию. Поскольку мне не особенно понравился фильм, я о нем практически забыла. Но этот человек, похоже, отнесся к данной истории гораздо серьезнее. Сочувствую.

Мужчина кивнул. «Чертов молокосос!» – пробормотал он, подходя к стойке.

Я сдержала улыбку. Автору могло быть лет сорок-пятьдесят, но, видимо, для человека возраста моего собеседника все, кто младше, попадали в упомянутый разряд. Впрочем, опусы в жанре фэнтези не были в списке моих приоритетов, поэтому его проблема мало меня волновала. Очередь продвинулась вперед, и я положила свои книги на стойку.

Через полчаса я вернулась домой: руки были заняты стопкой книг и коробкой пиццы из моей любимой пиццерии. Выходя из библиотеки, я получила сообщение от Палмер с предложением поужинать у них. Во время учебы я ужинала у Олденов как минимум раз в неделю. Но, стоя в лучах закатного солнца, ощутила в ногах такую усталость, да и мозоли, которые я натерла, выгуливая собак в туфлях на каблуках, болели. Поэтому решила, что больше всего мне сейчас хочется взять еды на вынос, снять наконец это платье и развалиться на диване, уставившись в какую-нибудь ужасную телепередачу.

Я свалила книги на тумбочку в прихожей и пошла в кухню с пиццей, но остановилась в дверном проеме. Дверца холодильника была открыта, и я несколько секунд смотрела на нее, пытаясь понять, что происходит. А когда дверца захлопнулась, за ней оказался мой отец с недовольным лицом.

– Ой, – отец удивился не меньше моего. – Энди, привет. Не ожидал тебя увидеть.

– Я тебя тоже, – улыбнулась я, водружая коробку на стойку в центре кухни, вокруг которой стояли табуреты. Здесь я обычно и ужинала, если не смотрела телевизор.

Вчера мы вообще не виделись: я весь день провела в попытках найти работу, а отец весь день провел в кабинете.

Сейчас же он хмурился, глядя на меня, словно пытался понять, что не так.

– Когда ты едешь на программу?

Я почувствовала, как во мне поднимается волна раздражения, но подавила ее. Если уж мой отец забыл о том, что я вообще еду на программу, то стоит ли удивляться, что дату начала он тоже не помнит? Хотя он прекрасно запоминал любые случайные факты о своих крупнейших жертвователях.

– Должна была еще вчера, – сказала я. – Но... в общем, я не еду.

– Не едешь? – переспросил отец, удивленно глядя на меня. – Как это?

Я сделала глубокий вдох, обдумывая порядок ответа. Начну с телефонного звонка, потом расскажу про доктора Риццоли и закончу хорошей новостью о том, что нашла работу.

– Почему в холодильнике нет еды? – вдруг спросил отец, снова открывая дверцу и заглядывая внутрь с тем же недовольным выражением лица.

Я ничего не ответила и ждала, пока он вспомнит, что задал мне вопрос и еще не получил ответа. Но вместо этого отец захлопнул дверцу, открыл морозилку, потом опять открыл холодильную камеру и уставился внутрь.

– Ни молока, ни хлеба, ни фруктов...

Я слышала в его голосе все большее раздражение, и поняла: он совершенно забыл мою программу и переключился на другую тему. Я, конечно, могла его перебить и рассказать, по чьей вине не еду, но отмела эту идею, не успев даже открыть рот: не собираюсь выпрашивать у отца хоть толику внимания.

– Ну, – наконец произнесла я, отвечая на его последний вопрос, который, по-видимому, был самым важным, – Джой время от времени что-то покупала... Я же обычно покупаю то, что нужно мне.

На самом деле наш холодильник практически всегда был полупустым. Я ела примерно четыре продукта, так что проблема голода обычно передо мной не стояла. Набрав в грудь воздуха, я размышляла, сказать ли отцу, что он достаточно взрослый, чтобы самостоятельно делать покупки. Но через мгновение решила, что, возможно, это не так. В квартире в Вашингтоне была экономка, и армия стажеров и помощников, которые наверняка следили за тем, чтобы он ни в чем не нуждался.

– Пожалуй, куплю что-нибудь попозже, – сказал отец самому себе и закрыл холодильник. Затем снова с удивлением посмотрел на меня, нахмутив брови, словно пытаясь что-то сообразить. – Так значит, ты поедешь на какую-то другую программу? Или останешься здесь на лето?

– Других программ нет, так что... останусь здесь.

Как только я это произнесла, меня накрыло осознание произошедшего. Я была настолько увлечена поисками работы и попыткой выработать хотя бы некое подобие плана, что даже не задумывалась о том, что случилось: я все лето проведу дома вместе с отцом.

Он моргнул:

– Вот как. – И я подумала, не пришел ли он, как и я, в ужас от произошедшего, ведь это было не то, к чему мы оба привыкли. – Ну, это будет довольно мило.

Я кивнула, не желая поддерживать беседу. Правда, на секунду задумалась, не рассказать ли ему, как провела день: выгуливала собак, устраивалась на работу, увидела мамину картину, читала его книгу... Но даже вообразить не могла, как это сделаю. Слово наша непринужденная беседа была сродни попытке представить Землю без гравитации.

Взяв в руки коробку с пиццей, я вдруг засомневалась, так ли хорош мой первоначальный план – валяться и есть на диване. Я повернулась, чтобы взять тарелку, остановилась и пошла обратно к стойке – как раз в тот момент, когда отец опять открыл холодильник и снова его закрыл. Испытывая неловкость, мы были похожи на плохих актеров, одновременно забывших мизансцену, – как это произошло с Томом в прошлом году, на одном из особенно неудачных показов «Чайки». Наконец я обошла отца, взяла тарелку и положила на нее два куса пиццы. Оставаться на кухне дольше становилось невыносимо, так как наш вымученный диалог красноречиво свидетельствовал о том, что нам нечего сказать друг другу. И впереди у нас целое лето.

– Если хочешь, возьми пиццы, – сказала я через плечо, поднимаясь вверх по лестнице и перешагивая через две ступеньки.

Уже наверху я посмотрела вниз. Отец по-прежнему стоял в кухне и с высоты казался маленьким и растерянным в своем собственном доме. Я вошла в комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. В моей голове крутился один вопрос: как мы собираемся пережить это лето?

Тамсин яростно посмотрела на своего брата, развалившегося в кресле на противоположном конце стола и уплетавшего засахаренные фрукты. Это было так похоже на Джекка –

пропадать где-то целый год, занимаясь бог знает чем (хотя, к сожалению, Тамсин была осведомлена о его похождениях, и даже больше, чем хотела бы, – менестрели даже складывали песни о наиболее вопиющих бесчинствах: вчера утром на конюшне слуга напевал одну из таких, и потом она крутилась в голове у Тамсин почти весь день), а потом вернуться, как ни в чем не бывало, и ожидать всеобщего ликования.

– Что? – сказал он, широко улыбаясь.

Тамсин была уверена, что эта улыбка могла покорить любую служанку в трактире на южном побережье – прямо-таки сама невинность и очарование. Но на нее она не действовала, и Джек, похоже, тоже это понял – улыбка погасла, и он забросил кусочек фрукта себе в рот, поймав его на лету.

– На этот раз ты собираешься остаться? – спросила она, складывая руки на груди.

Честно говоря, девушка и сама не знала, какой ответ хочет услышать.

– Я нужен своему королевству, – отвечал Джек, приподняв бровь. – Кроме того, меня могли в любой момент попросить покинуть Риверделл. В достаточно грубой форме, доложу я тебе.

– Я управляла королевством, пока ты отсутствовал, – сказала она, стараясь говорить спокойно. – И...

– И ты отлично справилась, – саркастичным тоном заметил парень. – Но теперь я вернулся. Ты свободна и можешь опять заняться вышиванием.

Тамсин глубоко вздохнула, намереваясь все ему высказать, но вдруг сообразила, что ей только что предложили. Свободу. Она улыбнулась, встала из-за стола и направилась к двери – все быстрее и быстрее, под конец почти бегом.

– Э-э-э... Там? – вслед ей крикнул Джек, но она не остановилась, даже не обернулась.

Она направлялась в лес, на то самое место, где в последний раз видела Древнего.

Ей были нужны ответы.

*К. Б. Маккаллистер, «Убийство ворон»,
Nighthower & Jax, Нью-Йорк*

Глава 5

– Как все прошло? – спросила Майя с подъездной дорожки.

Я закрыла дверь, потом проверила, что она действительно закрыта, и еще раз – на всякий случай. Шел мой четвертый рабочий день, и второй день тренировок. Я уже более-менее могла обходиться с собаками, но пока не делала ничего самостоятельно, без страховки Майи.

Я все еще пыталась смириться с тем, что так пройдет мое лето. В целом все было неплохо, особенно когда я заблокировала страницу Программы молодых ученых на своем компьютере, после того как всю ночь рассматривала фотографии с приветственной вечеринки, бесконечно завидуя всем, кто все-таки там оказался. Отца я избегала, хотя, возможно, он меня тоже – мы почти не виделись, разве что иногда сталкивались в кухне. Я не рассказывала ему про работу, да он и не спрашивал, чем я занимаюсь целыми днями. Хотя, справедливости ради надо сказать, я тоже не интересовалась его делами, так что, возможно, мы просто проявляли уважение к частной жизни друг друга.

– Нормально, – ответила я, спускаясь по ступенькам к ней навстречу.

Майя сидела на заднем сиденье своего внедорожника, открыв дверь и болтая ногами. Сегодня я ехала в своей машине следом за ней, когда она забирала первую собаку. Это был Венделл, фокстерьер, явно считающий себя принцем датским, судя по тому, как яростно он лаял на каждую крупную собаку, появлявшуюся у него на пути. Я смотрела на Майю за работой, стараясь запоминать все, чему она меня учила: дай знать о своем присутствии, когдаходишь к двери, потому что даже у дружелюбных собак срабатывают защитные инстинкты, когда незнакомец пытается войти в их дом; сперва наклонись и позволь собаке себя обнюхать, а не тянись сразу к ошейнику. При этом у меня было чувство, что самое важное я упускаю, поскольку не могу делать подробные записи.

Только что я самостоятельно выгуливала Пиппу, довольно полную суку французского бульдога, и это было не очень сложно. У меня возникло чувство, что хозяин заказал эту прогулку исключительно ради того, чтобы заставить собаку подвигаться, потому что любую, даже самую короткую, остановку она воспринимала как знак, что пора отдохнуть, и плюхалась на землю.

– Отлично! – сказала Майя с улыбкой, прыгивая с сиденья и забирая у меня ключ. Она прицепила его на огромную связку, в которой было еще никак не меньше тридцати штук, потом просмотрела их и выбрала один. – Готова к самостоятельной работе?

На это мог быть лишь один ответ: если я хочу сохранить это место.

– Конечно, – ответила я, надеясь, что в моем голосе уверенности больше, чем я чувствую.

Майя рассмеялась:

– Ты справишься. Если что, просто позвони, и я тут же приеду.

– Хорошо, – сказала я, забирая у нее ключи: связку из трех на кольцо с лейблом «Гетц-Хоффман».

– Это новая собака, – сказала Майя. – Дейв гулял с ним на днях для входного теста на темперамент и сказал, что все будет в порядке. Хозяева хотят, чтобы с ним гуляли раз в день, так что он может стать твоим постоянным клиентом.

Я кивнула, стараясь не обращать внимания на то, как сильно колотится сердце. В конце концов, я выступала на национальном телевидении! А это просто собака. Но почему это кажется намного сложнее?

– Отлично, – сказала я, крепко сжимая ключи.

– Я пришлю тебе адрес, – сказала Майя, вытаскивая телефон. – Клиенты хотят прогулку во второй половине дня, но время плавающее. Если хозяева окажутся дома, убедись, что они действительно настроены на ежедневные прогулки, и все.

– Отлично, – сказала я и тут же поняла, что повторяюсь. – В смысле здорово.

Я крепко сжала ключи в руке: меня охватил иррациональный страх, что я их потеряю, собака останется запертой в доме, будет там грустно сидеть и, возможно, нагадит на дорогие ковры, и во всем обвинят меня. Я бросила ключи в карман обрезанных из джинсов шортов, и направилась к обочине, где припарковала машину.

Только я села за руль, как на телефон пришло сообщение с адресом. Я взглянула на экран и ощутила, как мой желудок перевернулся, но лишь на мгновение; я прочитала его еще раз и поняла, что волноваться не о чем.

Майя

Привет! Адрес: бульвар Истерли, 8.
Пиши или звони, если возникнут проблемы!

Я выдохнула, говоря себе, что должна успокоиться, так как это просто смешно. Но когда я только увидела адрес, в первый момент мне показалось, что это на бульваре Иствью, где находился наш старый дом.

Я не бывала там с тех пор, как вернулась из реабилитационного лагеря. И хотя, само собой, в двенадцать лет я еще не могла водить авто, легко могла бы попросить кого-нибудь отвезти меня туда. Но я этого не сделала, и чем больше проходило времени, тем старательнее я избегала этого места.

Мои подруги знали о таком положении дел и всегда выбирали другой маршрут, если я находилась в машине. Не то чтобы это приходилось делать часто: дом находился на самой окраине города. Но теперь, пять лет спустя, я совершенно точно знала, что не хочу его видеть. Что, если на его месте построили отвратительное современное здание или – что было в каком-то смысле даже хуже – он остался в неизменном виде и теперь какая-то другая семья каждый день обедает в окружении маминых рисунков, видит их каждый день, но не обращает внимания – точно так же, как и я когда-то?

Я ввела адрес в навигатор телефона, завела машину и направилась туда. На полпути телефон снова запищал. Я не обращала на него внимания и держала руль обеими руками, но следом пришло еще четыре сообщения. Значит, началось обсуждение в чате.

Я быстро повернула направо, в какой-то переулок, припарковала машину, заглушила мотор и вытащила телефон. Надеюсь, это общая беседа, а не просто одна Тоби пишет сообщения, ожидая, что кто-нибудь наконец ей ответит. Я взглянула на экран и улыбнулась: все четверо в сборе.

Палмер

В общем, похоже, работа помрежа предполагает, что я должна смотреть, как мой парень мутит с какой-то первокурсницей.

Бри

Мутит?

Тоби

Палмер

Тоби, вот это сейчас совсем не помогло.

Бри

Зато мне помогло. Понятия не имела, что значит это слово.

Я

Палмер, ты же постоянно видишь, как Том целуется с другими девушками в спектаклях.

Палмер

Ну да, но раньше я видела это, только когда приходила на спектакли. А теперь мне приходится смотреть на это каждый день.

Тоби

Черт, понимаю.
Вернее, понимала бы, если бы у меня был парень.

Бри

Только не говори, что тебя сглазили!

Тоби

ПОТОМУ ЧТО МЕНЯ СГЛАЗИЛИ!

Я

Ну серьезно, Тоби, никто тебя не сглазил.

Бри

Спасибо.

Я посмотрела на время и поняла, что мне пора ехать, особенно учитывая, что я выгуливаю эту собаку в первый раз.

Я

Пора идти: нужно выгуливать собак.

Бри

Мне одной кажется, что это звучит несколько неприлично?

Тоби

Да.

Бри

Ты этого не замечаешь?

Тоби

НЕТ. Что с тобой не так?

Бри

Энди?

Я

Ну нет уж, ребята. Даже не надейтесь.

Палмер

Попозже созвонимся?

Я

Обязательно.

Тоби

Заметано.

Палмер

Тоби, серьезно, мы скоро примем радикальные меры.

Тоби

По какому поводу?!

Я улыбнулась, переводя телефон в беззвучный режим: знаю, что они, скорее всего, продолжат, и, когда я в следующий раз посмотрю на экран, там меня будет ждать десяток прочитанных сообщений. Я еще раз уточнила дорогу к дому Гетц-Хоффманов, завела мотор и направилась туда.

Добравшись до бульвара Истерли, я сбросила скорость и стала оглядываться в поисках дома номер восемь. Я остановила машину возле серого, покрытого дранкой дома и почувствовала, как рот приоткрывается от удивления. В отличие от домов в Стенвич Вудс, построенных примерно в одно и то же время и, скорее всего, спроектированных одним архитектором, это строение отличалось индивидуальностью. Оно было большим, с множеством окон в белых рамах, а в центре здания находился круглый выступ, похожий на башню, только очень широкую. Дом опоясывала подъездная дорожка, а на повороте, рядом с гаражом на три машины с закрытыми дверями, – стоял внедорожник.

Я проехала по кругу и остановилась рядом. Он был довольно старый, покрыт грязью, с вмятинами на боках, и в целом выглядел так, словно на нем и в самом деле частенько поднимались в горы, в отличие от большинства городских джипов, на которых ездили исключительно за покупками или отвозили детей в спортивные секции.

Выйдя из машины, я прихватила с собой запасной поводок и ключи – на случай, если хозяев не окажется дома. Проходя мимо внедорожника, я заметила на нем номера штата Колорадо. В Коннектикуте довольно часто бывали гости из Большого Нью-Йорка: собственно Нью-Йорка, Нью-Джерси, иногда Пенсильвании и Делавера. Но Колорадо я видела впервые.

Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула, пока поднималась по большой лестнице и звонила в дверь. «Всегда стучи, если ты первый раз по адресу и не уверена, что хозяев нет дома, – говорила мне Майя. – Люди странно себя ведут, когда просто заходишь к ним в дом, даже если они наняли тебя именно для этого».

Я прислушалась и стала подбирать ключ: на брелоке их было три – но после первой же попытки открыть верхний замок дверь с легкостью отворилась. Войдя внутрь, я приготовилась услышать лай и увидеть собаку, бегущую в мою сторону. Но в доме царил абсолютная тишина. Майя так настойчиво готовила меня к тому, что собаки защищают свое жилище, поэтому отсутствие какой-либо реакции выбивало из колеи.

– Есть кто-нибудь? – позвала я. Мой голос разнесся эхом, и я сделала еще шаг вперед. – Я... из «Выгула собак Дейва и Майи». – И вдруг поняла, что не знаю, к кому обращаться: к человеку или собаке. – Ну, кто тут у нас пойдет на прогулку? – сказала я с максимально призывной интонацией. Потом собралась позвать собаку, но не могла вспомнить кличку. Потянулась за телефоном, но засомневалась: не стоит писать Майе из-за каждой мелочи, иначе она быстро пожалеет, что взяла меня на работу.

Я прошла вперед по холлу, каждую секунду ожидая увидеть или услышать собаку, которую должна выгуливать. На стенах коридора в рамках висели фотографии мужчины и женщины лет сорока. На большинстве снимков, похоже, сделанных фотографом-профессионалом, они были в официальной одежде, но на некоторых фотограф запечатлел их в неформальной обстановке. Я даже разглядела пару пляжных снимков. Мое внимание привлекла рамка, в которой висело что-то, похожее на старую книжную обложку, приблизительно тридцатых годов. «Дживс и Вустер: избранное» – гласило название книги, и я внимательно ее рассмотрела, прежде чем пойти дальше.

Добравшись до конца коридора с поводком в руках и находясь в небольшом замешательстве, оттого что не вижу и не слышу никаких признаков собаки, я начала паниковать: мне показалось, что я вошла не в тот дом. Но потом мое критическое мышление подсказало: если ключ подошел к двери, значит, все верно. Я собиралась снова кого-нибудь позвать, но замерла, сбитая с толку тем, что увидела перед собой.

Здесь было царство книг: от пола до потолка в этой довольно большой комнате находились встроенные стеллажи, прямо-таки набитые томами. В подобном помещении, с мягкими диванами и удобными креслами, обычно ожидаешь увидеть телевизор, но здесь я его не обнаружила. Вокруг были только книги.

– Привет, – услышала я несколько неуверенный голос. Кажется, он принадлежал мужчине, и, похоже, мы находились с ним в одной комнате. Я несколько раз повернулась на месте, пытаюсь понять, что происходит, пока наконец не сообразила, что голос доносится из динамика бежевого цвета в тон стенам.

– Здравствуйте! – Я шагнула к динамику и остановилась перед ним. Услышал ли он меня? Я нерешительно нажала на кнопку и повторила: – Здравствуйте! – возможно, немного громче, чем стоило, если эта штука работает. – Я пришла, чтобы выгулять... вашу собаку, – сказала я, в очередной раз сожалея, что не знаю ее клички.

– Точно, – сказал человек на том конце. Голос показался мне как будто знакомым, но, возможно, это был просто эффект динамика. – Мы сейчас придем. Ждите нас в кухне.

Я услышала щелчок, по-видимому, означавший, что мой собеседник отключился раньше, чем я успела поинтересоваться, где находится кухня. Но найти ее не составило труда: кухня была рядом с комнатой-библиотекой, занимала всю заднюю часть дома и имела большие панорамные окна, выходящие на задний двор – огромное зеленое пространство с бассейном посередине. Кухня выглядела так, что можно было бы подумать, что на ней вообще ничего не готовят, если бы не книги по кулинарии с яркими обложками, теснящиеся на полках.

– Привет, – раздалось позади меня.

Я обернулась и улыбнулась лучшей из своих деловых улыбок, которая, впрочем, моментально исчезла, как только я увидела перед собой Кларка, того самого парня с собакой, с которым мы дважды встречались. Он был в джинсах и уютной клетчатой рубашке, а короткие темные волосы были слегка взъерошены, словно он в задумчивости запускал в них пальцы. Судя по взлетевшим над очками бровям, он тоже меня сразу узнал.

– Ой, – сказал он. – Не знал, что...

Но не смог продолжить, потому как выскочивший из-за угла пес, скребя когтями по деревянному полу, помчался ко мне, сильно виляя хвостом.

– Берти! – завопил Кларк, пытаясь схватить его за ошейник, но промахнулся, и пес прыгнул на меня. А я потеряла равновесие и врезалась спиной в кухонные шкафчики.

– Извини, – сказал Кларк, отгаскивая пса прочь, пока тот с энтузиазмом пытался облизать мое лицо.

– Все в порядке, – ответила я, думая, что пора как-то продемонстрировать свой авторитет и профессионализм. – Ну, как твои дела, дружище? – спросила я, приседая, и теперь пес был выше меня. Я посмотрела на него снизу вверх и аккуратно погладила по голове: – Готов идти гулять?

Похоже, слово «гулять» было ему знакомо, потому что он тут же сел и принялся стучать хвостом. Я потянулась к его ошейнику, но Берти резко вскочил и унесся из комнаты столь же быстро, как и появился.

– Упс, – огорченно сказал Кларк. – Я... наверное, надо было тебе сказать. Похоже, он думает, что это игра. Каждый раз, когда я хочу надеть на него поводок, он убегает.

– Вот как? – протянула я, глядя в том направлении, куда исчез пес, как будто это могло мне чем-то помочь. Я шагнула в сторону двери: – Может, мне...

Но тут Берти снова ворвался в кухню и остановился с тем же улыбающимся выражением на морде, которое я видела в первый день нашего знакомства, интенсивно виляя. Я сделала осторожный шаг ему навстречу, но он тут же вскочил и умчался прочь.

– Он скоро успокоится, – предупредил Кларк. – Но нельзя говорить это слово на букву «г», от которого он приходит в такое возбуждение.

– Ну да, – кивнула я, очень надеясь, что выгляжу уверенно, как будто все это не составляет для меня никакой проблемы. – Такое иногда бывает.

Я посмотрела на Кларка, который стоял, опираясь на кухонный стол, и обратила внимание, что повисла какая-то неловкая тишина. До сих пор я успела пообщаться только с одним владельцем собаки, в тот раз разговор полностью вела Майя, и он вращался исключительно вокруг питомца. Я опять посмотрела туда, куда убежал Берти, как будто от этого он быстрее вернется.

– Очень красивый дом, – наконец сказала я, когда не смогла придумать другой темы для разговора.

– Спасибо, – ответил Кларк, сплетая и расплетая руки на груди. – Да, он... ничего.

Снова повисла пауза, и я прислушалась в надежде услышать стук собачьих когтей – с моей точки зрения, это был идеальный момент для очередного появления Берти.

– Так много книг, – указала я в сторону соседней комнаты, снова не придумав ничего умнее.

– Ну да, – сказал Кларк, несколько раз кивнув. – Много.

Снова повисло молчание, и я решила перестать отпускать унылые комментарии о доме и просто подождать, пока Берти вернется.

Кларк откашлялся и затем спросил:

– Хм... тебя ведь зовут Энди, верно?

Я кивнула, удивившись, что он запомнил. Ну, я-то помнила его имя, потому что он был похож на скучных репортеров, которые на самом деле были супергероями. И то, что он носит очки, только усиливало сходство.

– Ну да, Энди.

Кларк кивнул, вздохнув, и заговорил:

– Извини, это звучит избито, и я не хотел бы производить такое впечатление, – торопливо сказал он, – но мне кажется, я тебя где-то видел раньше. В смысле еще до того, как мы встретились на улице.

Я кивнула, набирая воздуха в грудь, полностью готовая к такому повороту событий. Тофер никогда не говорил собеседникам, откуда они знают его или его мать, – просто безраз-

лично смотрел на них, в то время как те пытались разрешить свое замешательство и задавали ему наводящие вопросы. Но я предпочитала сразу действовать. Даже если дело оказывалось вовсе не в этом и люди видели меня, скажем, на полуфинале соревнований по игровым судебным процессам или еще где-нибудь, я всегда говорила про работу отца. Так было проще, да и на самом деле чаще всего они именно это и имели в виду. Вот и сейчас я уже готова была сказать: «Мой отец – конгрессмен Александр Уокер. Ты мог меня видеть в рекламе его кампании».

Но потом вспомнила свой разговор с Майей несколько дней назад и поняла, что после скандала эта самопрезентация больше не имеет значения, и я не хочу, чтобы это ассоциировалось со мной.

Я посмотрела на Кларка, ждавшего моего ответа на в общем-то несложный вопрос, но отвела глаза.

– Ну... – сказала я, не имея ни малейшего понятия, как буду продолжать.

В очередной раз, повисла тишина, но тут меня отвлек ворвавшийся в кухню Берти. И, словно сговорившись заранее, мы с Кларком рванули к нему одновременно с разных сторон. Это, похоже, сбило пса с толку, и он замер на месте, и Кларк смог схватить его за ошейник. Берти, похоже, смирился с тем, что игра окончена, с готовностью сел на пол и начал облизывать ухо Кларка.

– Все его принадлежности тут, – сказал парень, показывая на шкафчик, одновременно пытаясь удерживать Берти на расстоянии вытянутой руки подальше от собственного уха.

Я подошла и открыла шкафчик. Он был набит всевозможными вещами для собак: поводками, запасными ошейниками, пакетами с кормом и угощениями. Еще там лежала тряпичная сумка с вышитой надписью «Берти В.». Я с удивлением посмотрела на нее, размышляя, почему «В», если фамилия Кларка – Гетц-Хоффман, но потом подумала, что мне есть о чем сейчас позаботиться помимо этого.

– Отлично, – сказала я, кладя на стол принесенный с собой поводок. Я не знала, предпочитают ли собаки собственные вещи, но прикинула, что раз Кларк показал мне этот шкафчик, то наверняка хотел, чтобы я воспользовалась его содержимым. Я хотела взять ближайший, но, поколебавшись, спросила:

– У него есть любимый поводок? – Кларк с непониманием посмотрел на меня, и я добавила: – Какой мне лучше взять?

Он пожал плечами:

– Не знаю. Я же говорил, что мало разбираюсь в собаках.

Я кивнула, стараясь не показать раздражения. Возможно, Берти раньше принадлежал родителям Кларка, но это все равно не оправдывало такого равнодушия. Бри, например, не сказала бы подобного в адрес Мисс Капкейкс, хотя вовсе не была большой любительницей этой кошки.

– Пожалуй, вот этот подойдет, – сказала я и взяла длинный синий поводок с плетеными инициалами «Б. У.». Похоже, родители Кларка обожали монограммы.

– Я просто не ожидал, что *ты* придешь выгуливать Берти, – стал оправдываться Кларк, когда я присела на корточки, чтобы пристегнуть поводок к ошейнику. Кларк все еще держал пса за ошейник, и я посмотрела на него снизу вверх и вдруг смутилась от того, как мы близки. Он, похоже, тоже подумал об этом, потому что тут же отпустил ошейник и резко выпрямился. – Я разговаривал с человеком по имени Дейв, кажется, и предположил, что он и будет его выгуливать.

– Мы иногда меняемся, – ответила я и ощутила в животе холодок разочарования. Почему это, интересно, я расстроена тем, что Кларк хочет, чтобы кто-то другой выгуливал его собаку? Я попыталась убедить себя, что это от вероятности упустить возможного постоянного клиента. А потом снова посмотрела на него – ямочки на щеках и неправдоподобно длинные ресницы – и

поняла, что дело не в этом. – Но я могу передать Дейву, что ты хочешь, чтобы собаку выгуливал именно он. Буду рада помочь.

Я лучезарно улыбнулась и посмотрела на Берти, пытаюсь мысленно внушить ему команду, что неплохо бы снова затеять игру и куда-нибудь убежать – просто чтобы разрядить атмосферу. Но пес просто посмотрел на меня, широко «улыбаясь» и стуча по полу хвостом.

– Нет, что ты! – поспешно сказал Кларк, и его уши снова покраснели. – Я совсем не это имел в виду. Просто удивился, но рад тебя снова видеть. Не думал, что... ну... это случится, – запинаясь закончил он.

Я заулыбалась. Он *действительно* милый. И мне нравится, что он испытывает неловкость, общаясь со мной. Я так привыкла к самоуверенности Тофера, что забыла, как это может быть мило.

– Ну да, – сказала я, осознав, что довольно пристально смотрю на него. Я взяла себя в руки, встала и намотала поводок на руку. – Ладно, пройду с ним по кварталу – обычно с одной собакой это занимает минут двадцать, если, конечно, у тебя нет особых пожеланий.

Кларк слегка растерянно пожал плечами:

– Двадцать минут, кажется, нормально... Как скажешь.

– Ладно, – кивнула я, крепче сжимая поводок Берти, который начал, поскуливая, тянуть меня к двери, не понимая, почему мы до сих пор не вышли. – Думаю, пора его вывести.

– Ага, – согласился Кларк, снова зачем-то несколько раз кивая. – А мне надо продолжить работу. Ну... или продолжить попытки продолжить работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.